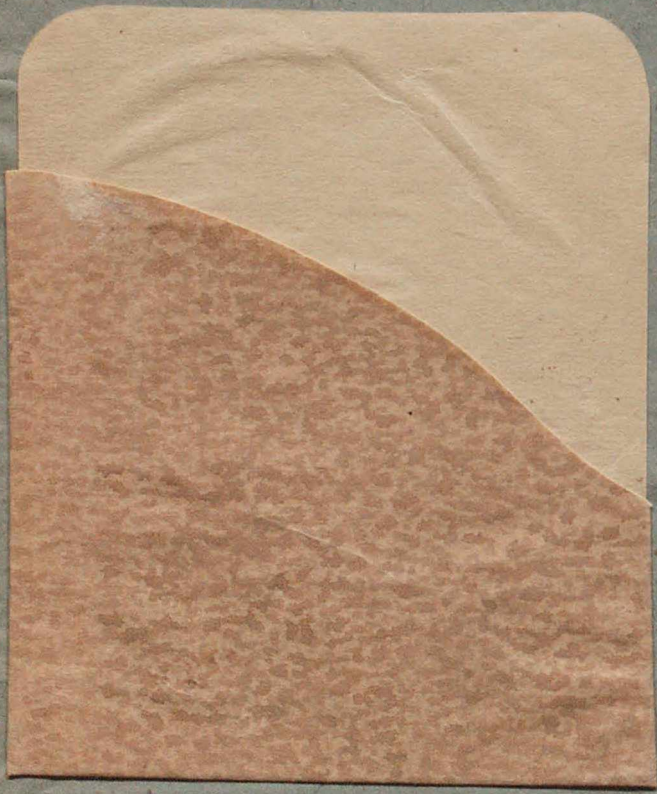
Рожков

ОЧЕРК
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

М 68/365

947.331
Р-63

Н. РОЖКОВ

ОЧЕРК
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

М68
365

ЛЕНИНГРАД „КНИГА“ МОСКВА
1924.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплети. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка	97
8						79	133/315	

1871

947:331
Р-63о.
М 68/365

Н. РОЖКОВ

ОЧЕРК
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

5 1805.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
МОСКВА, Тверская, 38. Тел. и 2-64-61 377-23
ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74. Тел. 134-34 и 170-94.
1924.

Всесоюзная Библиотека имени В. И. Ленина
Ф15252-35
2015147805

Ленинградский гублит № 3192. Тираж 8.000 экз.
Типография Акад. Худ., Ленинград, В. О., Гучков пер., д. 1

Очерк истории труда в России.

I.

Общие условия хозяйственной жизни в древнейшей Руси с VII по X век.

Историю труда нельзя понять без истории хозяйства: первая составляет неразрывную часть второй. Нельзя понять положение труда, если неизвестно, куда, главным образом, этот труд был направлен. Между тем, по отношению к древнейшей Руси вопрос о господствовавшей тогда отрасли хозяйства является крайне спорным. Поэтому, требуется тщательный его пересмотр и обоснованное решение.

Но, прежде всего, следует оговориться по вопросу о точном хронологическом определении того, что надо разуметь под словами „древнейшая Русь". По довольно давней уже традиции принято древнейший период русской истории именовать Киевской Русью или Киевским периодом, начиная его VI веком и заканчивая в XII. Осторожнее, однако, этот период Киевской Руси разделить на два — с VI до половины X века и с половины X до конца XII [1]).

---

[1]) Пишущий эти строки в ранних своих работах отдал дань прежней традиции (см. напр., „Обзор русской истории с социологической точки зрения", ч. I). В настоящее время он от этого взгляда отказывается (ср. „Русская история в сравнительно-историческом освещении", т. I).

Куда, на какую отрасль хозяйства направлен был труд на Руси с VI до половины X века?

В последнее время возродился очень старый ответ на этот вопрос, сводящийся к тому, что русские или восточные славяне, как и славяне вообще, были исстари земледельцами. Основания этого взгляда таковы: 1) люди везде и в особенности славяне начинали земледелием: это доказывает слово „соха", древнейшее значение которого — „палка, жердь", т.-е. виловатый сук, которым первоначально вскапывалась земля; 2) „на всех славянских языках совпадает корень жить и название хлеба, жито; слово брашно означает более частным образом муку, потом пищу вообще, затем имение; обилье означает и урожай и богатство; всем славянским языкам знакомы обще-индо-европейские термины главнейших земледельческих операций — пахать (в форме орати — лат. arare, греч. aráo и т. д.) и сеять (лат. serere, лит. sėti и т. под.), обще-индо-европейское название плуга орало (греч. aratron, армянск. arawr) и серпа (греч. hárpe, лат. sarpere); жатва общеславянское слово точно так же, как и нива"; 3) „названия хлебных растений — овса, ячменя и т. д. — общее более или менее всем славянским языкам", а то обстоятельство, что славяне знали пшеницу и просо и даже возделывали их, несомненно, явствует из происхождения обоих этих слов от глагола пьхати = молотить [1]); 4) преобладание земледелия доказывается аграрными, колядскими и другими песнями, жатвенными праздниками и пословицами, отражающими земледельческий труд [2]).

---

[1]) Покровский, Очерк истории русской культуры, часть I (изд. третье), стр. 29, 42, 44.

[2]) Плеханов, История русской общественной мысли, т. I, М. 1919, стр. 40—43.

Разберем эти доводы по порядку. Верно, что соха значит в глубокой древности палка, жердь, и что, следовательно, древнейшим орудием славян — да и не одних славян — при вспашке была палка. Но, во-первых, значит ли это, что палка, хотя бы она называлась и сохой, была всегда „виловатым суком, которым первоначально вскапывалась земля"? Нет, не значит: древнейшее назначение палки или дубины — быть оружием, в частности охотничьим оружием [1]). Значит, слово соха вовсе не доказывает, что славяне и тем более люди вообще „начинали земледелием". Да и вообще можно считать установленным, что люди сначала долгое время земледелием не занимались.

История и значение слов жито, брашно, обилье, орать, сеять, орало, серп, жатва, нива подтверждают только никем не оспариваемый факт, что славяне, еще не разделившись на далеко разошедшиеся в разные стороны племена, занимались земледелием, но не дают еще основания утверждать, будто они „главным образом при помощи земледелия добывали себе пищу". Только на такой же вывод уполномочивает нас и происхождение проса и пшеницы от пьхати. И, наконец, в том же смысле можно толковать и колядские и иные песни, жатвенные праздники и пословицы.

Итак, земледелие у славян уже было, когда они жили все вместе. Это несомненно. И странно было бы, если бы было иначе: так было у всех народов на той ступени развития, на которой тогда находились славяне. Вопрос не в том, существовало ли земледелие — оно бесспорно существовало, — а в том, было ли оно главным источником средств существования. И некоторый свет на этот вопрос проливает

[1]) Мартиньe, Доисторическая жизнь, стр. 107.

уже цитированный сейчас лингвистический материал. Во-первых, он указывает, что славяне сначала копали палкой, виловатым суком, т.-е., что у них долго существовало мотыжное земледелие. А такое земледелие может быть подсобным занятием,—не более. Во-вторых, он убеждает в преобладании сначала, даже в исключительном посеве, проса—очень неприхотливого растения, столь же универсально-земледельческого первоначально на юге, сколь таким на севере являлся ячмень, кстати также долго именовавшийся там „жито", т.-е. хлеб, по преимуществу перед другими видами хлебных растений. Не даром же и Маврикий, писатель VI века, указывает, что у славян из земледельческих продуктов („плодов", как он выражается) „больше всего проса" [1]). И это преобладание проса является ярким признаком второстепенного значения земледелия. Наконец, и в материале древних народных песен есть указание, что просо сеяли только девушки, женщины, а мужчины этим не занимались [2]): при существовании лишь женского земледелия нельзя предполагать господство земледельческого производства над другими ветвями хозяйства.

И если мы в дополнение ко всему этому примем во внимание бесспорный факт разброда славян в VI веке в разные стороны и учтем данные об общем характере их жизни и быта, сообщаемые византийскими писателями этого времени, то не будет сомнения, что первенствующим, господствующим земледелие тогда не было. „Живут славяне и анты в жалких хижинах, далеко расставленных друг от

[1]) Maurikios, Strategicon.

[2]) В песне, где девушки поют: „а мы просо сеяли", а мужчины отвечают: „а мы просо вытопчем".

друга, и часто меняют свои места жительства"—пишет Прокопий [1]), а Маврикий ему вторит: „в лесах и болотах, посреди рек и стоячих озер, живут они, недоступные посторонним... и жизнь ведут прямо разбойническую"; „тех, кого они держат в плену, они не держат в рабстве бессрочно, но ограничивают их рабство известным сроком, после чего отпускают их, если они хотят, за некоторую мзду в их землю или же позволяют им поселиться с ними, но уже как свободным людям и друзьям"; „среди них бывает много раздоров и мало согласия"; „все держатся противоположных мнений, и никто не хочет уступить другому"; „земли славян и антов лежат вдоль реки", „близко от них леса, болота и поросшие тростником места" [2]).

Но не только в VI веке, а и позднее—до X столетия—земледелие далеко не преобладало. Наш Начальный летописный свод, каждый раз как он касается хозяйства,—ни словом не упоминает до X века о земледелии, говоря о других занятиях [3]). „Рало" впервые упоминается лишь в конце IX и в X веке [4]). Ибн-Даста, араб X века, подтверждая, что славяне „более всего сеют просо", в то же время отмечает второстепенность земледелия, гиперболически утверждая, что „славяне совершенно не имеют пашен" [5]). Наконец, когда речь заходит о богатстве Руси, — к этому богатству даже в X веке не причисляются продукты земледелия [6]). В сущности, и те исследо-

[1]) Procopius, De bello gothico, lib. III.
[2]) Maurikios, Strategicon.
[3]) См., наприм., рассказ о Кие, Щеке и Хориве.
[4]) Начал. летопись под 883, 964 и 981 годами.
[5]) Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских.
[6]) Начал. летопись под 969 г.

ватели, которые, как мы сейчас убедились, преувеличивают экономическое значение земледелия в древнейшей Руси, не отрицают, что охота и пчеловодство или бортничество были очень важны по крайней мере в IX и X веках [1]). Выходит, следовательно, что раньше они были неважны, а когда появились на Руси варяжские князья, которые стали торговать с Византией, арабами и хозарами мехами, медом и воском, то эта потребность княжого хозяйства выдвинула на первый план охоту и бортничество. Карамзина в свое время упрекали в преувеличенном представлении о значении и влиянии государства. Отзвуки такого карамзинизма и потом существовали в идее о том, что русское общество создано государством, — идее, теперь если и не окончательно отвергнутой, то в очень значительной степени поколебленной. В разбираемом сейчас взгляде преувеличенное представление о значении государства опять возродилось: государственные в известном смысле потребности, точнее запросы княжого хозяйства, произвели и целый переворот. Так ли это?

Что охота и пчеловодство были всего важнее в то время,—на это данных у нас более, чем достаточно. Справедливо цитируется здесь летописное свидетельство 975 года об убийстве Люта Свенельдича, заехавшего на охоте в древлянскую землю из земли полян, Олегом, князем древлянским, как указание на то, что „территории племен именно в охотничьем отношении были отделены в древней Руси не менее резко, чем отделены друг от друга территории современных нам бразильских индейцев" [2]). Верно, что убедителен здесь и факт устройства Ольгою „становищ и

[1]) Покровский, Очерк истории рус. культуры, I, стр. 45.
[2]) Покровский, Очерк истории рус. культуры, I, стр. 45.

ловищ" в земле древлян после ее покорения [1]). Сюда надо прибавить еще, что по Святославу мед, воск и меха были главными богатствами Руси [2]), что Игорь и Ольга одаривали греков мехами [3]), что в конце IX века древляне платили дань черными куницами [4]), и что, по арабским данным, тогда вывозились из Руси меха выдры и черных лисиц [5]).

Все это так, и уж, кажется, теперь спору не подлежит. Но дело также в том, что это—далеко не „новообразование", а традиция далекого прошлого, непрерывно существовавшая. В самом деле: ведь северяне еще до прихода варяжских князей, следовательно вне их влияния, платили дань хозарам по шкуре белки с дыма [6]). Еще раньше Кий, Щек и Хорив, по занесенному в летопись преданию, были звероловами [7]). Сами же сторонники первенствующего значения земледелия в древнейшей Руси признают, что „слова лов, ловить, сеть и тенеты, несомненно, древне-славянские" [8]), и хотя они и утверждают, что „археология упорно отмалчивается на этот счет" [9]), но с этим согласиться нельзя: и мед и остатки шкур зверей, не говоря уже об охотничьем оружии, обычны среди археологических материалов. Да и странно бы было, если бы было иначе: нет сомнения, что не земледелие, а охота, бортничество и — прибавим сюда—скотоводство были виднейшими и важнейшими отраслями хозяйства в патриархальном быту,—в эпоху, предше-

[1]) Там же, стр. 46.
[2]) Нач. летопись под 969 г.
[3]) Там же под 945 и 955 г.г.
[4]) Там же под 883 г.
[5]) Гаркави, Сказания мусульм. писат.
[6]) Нач. лет. под 883 г.
[7]) Там же—в начале, в рассказе без годов.
[8]) Покровский, Оч. ист. рус. культ., I, стр. 45.
[9]) Там же, I, стр. 45.

ствовавшую тому периоду, о котором сейчас у нас идет речь. Как же могло случиться, что земледелие временно отодвинуло их на второй план, чтобы потом опять почтительно посторониться перед ними под влиянием варяжских князей с их разбойничьим сбором дани и не менее разбойничьей торговлей? Прибавим только, что скотоводство было, разумеется, не „сложным и трудным", а очень простым, примитивным, выгонным, с содержанием скота круглый год на подножном корму—точь в точь как и теперь, например, в Восточной Сибири.

II.

Труд в древнейшей Руси.

Предшествующее изложение дает достаточную, как кажется, основу для характеристики положения труда в древнейшей Руси. Конечно, земледелие тогда уже существовало, но еще только как подсобное, второстепенное занятие, главными же отраслями хозяйства были охота и пчеловодство. Уже это обстоятельство и общая сильная подвижность и редкость населения свидетельствуют об одной важной стороне в организации труда, о степени его напряженности, об известном уровне техники. Ясно, что напряженность была невелика, техника была очень низка. Достаточно в этом смысле и прямых указаний. И „ловы“ и „тенета“ и „сети“ — признаки примитивной охоты. Пчеловодство не даром носило название бортничества: оно было диким, лесным, сопровождалось прямым, хищническим истреблением пчел: не даром один позднейший князь говорил еще: „не передавивши пчел, не есть и меду“. Земледелие в лесной и болотистой стране могло быть только подсечным или лядинным. Скотоводство существовало почти только как выгонное. Торговля была разбойничья, и масса населения в ней участия не принимала.

При наличности этих наблюдений, становится вполне понятным известие Маврикия о рабах у славян, выше уже

приведенное: „тех, кто у них в плену, они не держат в рабстве бессрочно, подобно другим народам, но ограничивают их рабство известным сроком, после чего отпускают их, если они хотят, за некоторую плату в их землю или же позволяют им поселиться с ними, но уже как свободным людям и друзьям". При господстве примитивных отраслей хозяйства, при крайней экстенсивности техники производства, при сохранении натурального хозяйства нет нужды ни в большом числе рабов, ни в их вечности и наследственности, потому что не существует потребности в эксплоатации чужого подневольного труда, — и своего, свободного достаточно. Рабство и вообще несвободный труд — не характерный, не господствующий, а второстепенный признак положения труда в древнейшей Руси. Правда, высшие слои общества и до варягов и особенно после их прихода пленниками-рабами торговали, но эта торговля удовлетворяла потребностям в несвободном труде, существовавшим в иностранном, не-русском хозяйстве, и имела отношение к народному хозяйству Руси, главным образом, в том смысле, что служила источником дополнительного, избыточного дохода для верхов общества.

Впрочем, надо оговориться: плен и вытекавшее из него рабство, вообще мягкое и временное, являлось при продаже рабов на византийском и хозарском рынке одним из наиболее ярких проявлений хищнической, экстенсивной техники хозяйствования, расхищения, хищнической эксплоатации производительных сил. Не создавая внутри страны многочисленного и прочного контингента несвободных рабочих, рабство того времени до известной, довольно значительной, степени давало такой контингент более передовым хозяйствам других народов и в то же время и на месте создавало или

по крайней мере подготовляло кадры будущих несвободных и полусвободных состояний, которые должны были сложиться в целую компактную армию тогда, когда для того созреют подходящие хозяйственные условия. Реально, в действительности, несвободное состояние не было частым и распространенным, тем более прочным и постоянным в древнейшей Руси. Но, не создавая реальности, положение вещей в то время чревато было возможностью порабощения для всякого свободного человека, особенно, если он почему-либо отбивался от союза, к которому принадлежал, порывал с ним так или иначе связи, становился „изгоем", т.-е. человеком, которому не дано жить нормальной по тому времени жизнью [1]).

Значит, нормальным в древнейшей Руси состоянием труда был труд свободный. Спрашивается теперь: был ли этот свободный труд личный или коллективный, и если коллективный, то какой коллектив его организовывал? Древнейшая Русь знала только кровные коллективы—племя, род и семью. Племя обладало определенной территорией, которая имела, прежде всего, как верно замечено [2]), охотничье значение: вся территория данного племени находилась в монопольном охотничьем пользовании только его одного. Значит ли это, что все племя вольно, свободно пользовалось подходящими для охоты угодьями на всем пространстве племенной территории? Едва ли. Повидимому, и племенная территория была более или менее разграничена между родами. Это явствует из известного, классического летописного текста о полянах: „живяху кождо своим родом, на своих

[1]) Изгой от гоить, давать жить: Калачев. О значении изгоев в „Архиве ист.-юридич. сведений о России", 1-ая половина, кн. 2-я, стр. 59—60.

[2]) Покровский, Очерк истории русской культуры, I, стр. 45.

местех, владеюще кождо родом своим". А что такое род? Это—совокупность родственных семей. Тот же летописный текст живо и ярко нам это показывает, иллюстрируя свое приведенное сейчас положение, примером трех братьев Кия, Щека и Хорива и сестры их, Лыбеди. Характерно здесь и то, что каждый из них жил особо, очевидно, со своими семьями, причем Лыбедь, вероятно, была вдовой—домоправительницей, как впоследствии Ольга при малолетнем Святославе и как вообще была позднее еще, во времена пространной Русской Правды, мать-вдова при малолетних детях: Кий жил у перевоза Боричева, Щек на горе Щековице, Хорив на горе Хоривице, Лыбедь на реке Лыбеди. Конечно, это—предание, в конкретных подробностях—в именах и лицах—недостоверное, может быть, это то, что Швеглер в „Римской истории" называл „этиологическим мифом"—попытка наивно истолковать причины названий урочищ, персонифицируя происхожденне этих названий. Но дело не в этом,—дело в том, что народ, слагая эти предания, верно отражает бытовые условия. А если так, то становятся понятными и ясными взаимоотношения между семьей и родом. Род владел сообща землей, а в пределах этой земли хозяйствовали и вольно, захватно пользовались землей отдельные семьи, жившие каждая особо. Этот вывод подтверждается, с одной стороны, некоторыми наблюдениями, относящимися к позднейшему времени, с другой—данными археологии.

Позднейшие наблюдения касаются способов межевания по Русской Правде еще XII века; там мы встречаем „межу ролейную" [1]), т.-е. пашенную, проведенную опахи-

[1]) Русская Правда, Троицкий список, статья 65 (здесь, как и везде, по изданию Калачева—текст Русской Правды).

ванием земли, и „дуб знаменный“ или „межный“ [1]), т.-е. со „знаменем“, с высеченной зарубкой или знаком определенной формы. И то и другое известно было еще в XIX веке в степных и лесных местностях Сибири со слабым населением,—там, где господствовало недавно вольное или захватное землепользование: все домохозяева определенного селения или волости в назначенный день и час собирались вместе на конях, по данному знаку раз'езжались и, если местность была степная, опахивали себе участки для пользования в этот год, а в лесных местностях „зачерчивали“ или „затягивали“ их, т.-е. обозначали пределы предполагаемых в наступающий год к использованию участков зарубками, значками, „знаменами“ на деревьях [2]).

Таковы позднейшие данные, подтверждающие факт вольного, семейного пользования землей в пределах родовой территории, пополняющие недостающие звенья той цепи, остатками которой являются известия наших источников. Что касается археологических данных, то они дают нам конкретные материальные остатки тех самых семейных поселков, о которых говорит Начальный летописный свод в рассказе о Кие, Щеке, Хориве и Лыбеди. Это так-называемые городища,—те „дымы“ или „домы“, с которых платилась тогда дань [3]). Эти городища обыкновенно имеют треугольную или круглую форму, окружены валом, имеют в окружности от 300 до 450 шагов, но иногда только 200, а подчас и 1.000. Незначительность площади городищ и показывает, что это—остатки семейных поселков [4]). Напрасно

[1]) Там же, статья 66.
[2]) Филимонов, Формы землевладения в северо-западной Барабе.
[3]) Нач. летопись под 883 и 994 годами.
[4]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

их считали остатками древних городов [1]) или местами для богослужения [2]). То были просто укрепленные однодворные семейные поселки.

Конечный вывод ясен: в древнейшей Руси характерной формой труда был труд свободных людей в родственном коллективе—семье; род давал территорию семье, свободно ею используемую в ее пределах; племя давало родам племенную территорию, в пределах которой роды могли также свободно передвигаться и временно использовать землю особенно для охоты, бортничества, а также для скотоводства и отчасти для земледелия. Приведенная характеристика положения труда в древнейшей России показывает, что средний свободный человек того времени пользовался известной степенью обеспеченности, экономической самостоятельности, поскольку он был членом семейного, затем родового и племенного союзов. Это обстоятельство и вольное пользование землей глубоко отложились, прочно залегли в народном сознании. И потому русский крестьянин, подобно всем другим,—например, эллинскому, как показывает Гесиод, или итальянскому, как то выразил Иоахим из Фиоре,—видел золотой век позади, в прошлом, идеализировал это прошлое и пытался восстановить его в казачестве. Русский крестьянин мечтал о тех временах, когда он крестьянином-землеробом в настоящем смысле этого слова еще не был или почти не был.

---

[1]) Самоквасов, Древние города России (Спб. 1873), стр. 98—100, 112.

[2]) Это мнение Ходаковского.

III.

Хозяйство X—XII веков.

Важнейшая перемена, обнаружившаяся в X—XII веках, заключалась именно в превращении древнего свободного человека—„людина“ в крестьянина-земледельца, смерда, как он тогда назывался. В этом вопросе теперь нет и, кажется, уже не может быть разногласий: земледелие стало по крайней мере равным охоте, пчеловодству, скотоводству, даже, повидимому, превзошло их по экономическому своему весу и значению. Нет нужды поэтому пытаться исчерпать все относящиеся сюда доказательства. Достаточно упомянуть о важнейших, решающих. Их два: одно—летописное известие, другое—народная „старина“, былина, притом уже северная, относящаяся, повидимому, к концу периода, быть может, даже к началу следующего, но отражающая результат того, что совершилось именно в период, к которому мы переходим.

Весной 1103 года, едва начались полевые работы, с'ехались у Долобского озера южно-русские князья для обсуждения вопроса, следует ли немедленно идти походом на половцев. Мнения разделились. Подавляющее большинство во главе со Святополком Изяславичем киевским высказалось против похода. Владимир Мономах был за то, чтобы поход был немедленно предпринят. Но чем аргументировали

обе стороны? Они аргументировали интересами земледелия и земледельца—смерда: Святополк и его единомышленники говорили, что нельзя отрывать смерда и его коня от полевых работ для похода, а Владимир Мономах указывал, что если поход не состоится, половцы все равно перебьют крестьян, уведут их лошадей и прекратят полевые работы [1]). Бытовая земледельческая обстановка русской жизни в XII в. обрисовывается, таким образом, очень ярко. Быть может, она не так доминировала в X и XI веках, но приведенный рассказ убеждает, что и тогда она быстро подготовлялась и воплощалась в действительность.

Так было на юге. Так же было и на севере, как о том свидетельствует былина о Микуле Селяниновиче. Что речь в этой былине идет о северной пахоте,—это видно из вывертывания валунов, описываемого в былине [2]). А все содержание этого превосходного в своем роде образца народного эпоса не оставляет сомнения в том, что здесь изображается огромная экономическая и социальная революция: земледелие окончательно победило, и потому мужик-землероб Микула Селянинович оказывается во всех отношениях превосходящим и Вольгу—этот отзвук знаменитого викинга Олега [3])—и всю его „дружинушку хоробрую".

Итак, мужик победил, земледелие восторжествовало. Настали ли для русского земледельческого труда и трудящихся лучшие, чем прежде, дни?

---

[1]) Нач. летопись под 1103 г.

[2]) В. Миллер, Очерки русской народной словесности, М. 1897, стр. 168.

[3]) Там же.

IV.

Земледельческий труд X—XII веков.

Уже в былине о Микуле—этом хвастливом, даже восторженном дифирамбе земледелию и земледельцу, его силе и превосходству над старыми охотниками и разбойниками—есть одна черта, в которой проскользнуло, пробилось, быть может, против воли тех, кто ее сложил, сознание, что новый земледельческий труд тяжелее старого: поднять и вытряхнуть сошку не могла вся дружина Вольги; земледелие—тяжелый труд, изнуряющий, требующий необыкновенной силы и терпения, это — страда... И страда даже тогда, когда оно в высшей степени экстенсивно, примитивно, когда его техника—первоначальная: лядинная, огневая, подсечная. В год не приготовишь пашни на новине. Нужно по меньшей мере два года: в первый — ободрать кору, подсушить деревья; только на второй — вырубить, выжечь, выкорчевать, а потом уже — пахать. И чтобы всецело отдаться земледелию, нужен запас семян для посева и пропитания, необходимы постройки для сушки хлеба или хотя бы для прикрытия его от атмосферических влияний, надобны орудия и, главное, живой земледельческий инвентарь — скот, хорошо выкормленный, не содержащийся вечно на подножном корму.

Все это — трудности, почти непреодолимые для охотников, бортников, первобытных скотоводов, лишь изредка

и отчасти обращавшихся к самому примитивному земледелию, служившему подспорьем, подсобным занятием. Без чужой помощи теперь не обойтись, а она даром не дается. И вот начинается взаимный обмен услуг. Богатые помогают бедным, снабжая их постройками, живым и мертвым инвентарем, семенами, подчас и деньгами—это все носит название „купы“ — займа под залог личности занимающего,— дают и небольшой участок земли для работы на себя— peculium, „отарицу“. А бедные обязуются нести на богатых рабочую повинность на их пашне в уплату долга и так работать до самой уплаты, которая происходит или работой или деньгами. Отсюда и получается состояние „ролейного закупа“, полусвободного пашенного работника на кредитора и отчасти на себя, обеспечивающего свой заем самозалогом, залогом своей личности, и потому не могущего уйти без расплаты, подчиненного дисциплинарной власти кредитора, могущего „бить его про дело“, но отвечающего, если „бьет несмысля, пьян“. Закуп может занять деньги у другого и, уплатив долг, уйти; он защищен от обид судом князя. Но он не вполне правоспособен: за преступление его отвечает его кредитор-господин, который, платя за него штраф, обращает его в своего „обельного“, т.-е. полного (от „облый“ — круглый, полный) холопа; закуп на суде допрашивается в качестве свидетеля только „по нужде“— и то лишь в мелких делах [1]).

Так, лишь только земледелие стало побеждать, — появилось состояние полусвободных земледельческих рабочих,

[1]) См. Рус. Правда, Троиц. сп., ст. 51—55, 57, 59; Мейер, Древнерусское право залога: „Юрид. Сборник“ Мейера, Казань, 1855, стр. 225; Неволин, Пол. собр. соч., т. V, стр. 147; Чичерин, Опыты по истории рус права, стр. 154; Яковкин, Закупы Р. Правды: „Журнал Министерства Народного Просвещения“ за 1913 г.

заложивших себя кредитору батраков с наделом. Сразу подул ветер крепостничества, полусвободы. Но, конечно, этим дело не ограничилось. Организаторы земледельческого хозяйства того времени — богатые ростовщики — князья, бояре, епископы, монастыри — и обельных, полных своих холопов сажали на пашню. И, наконец, это приложение к земле полусвободного и несвободного труда, затраты средств на организацию труда, трудность расчистки почвы и проч., создали понятие частной, личной собственности на землю; „земля моя, потому что на ней сидят мои люди“ [1]), и на нее затрачены мои средства — таков был вывод, сделанный верхами общества. Торжество земледелия создало понятие и факт личной земельной собственности — княжеской, боярской, архиерейской и монастырской.

А как же Микула Селянинович, вольный могучий пахарь севера? Ведь он-то ни от кого не зависел! Отдельные поселенцы, проникавшие на Волгу, Оку с их притоками и далее к Северному океану, продиравшиеся сквозь „дебри непроходимые и дрязги великие“ — леса и болота, до известной степени были действительно независимы. Но то были люди, уже прошедшие или по крайней мере наблюдавшие школу, если не холопства, то закупничества, убегавшие от этой неволи или полуневоли, уже приспособившиеся несколько к земледелию. Да и на новых местах они, как и южнорусские смерды земледельцы, не усвоили себе понятия о своей собственности на землю: они еще и позднее своим считали только посилье - труд, вложенный в землю, и его результаты — „роспаши и ржи“, а землю считали ничьей, вольной, „божьей да государя великого князя“.

[1]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.

И вот эта прибавка „государя“, т.-е. господина, владельца,—все равно князя, боярина, архиерея, монастыря—показывает, что и здесь, на севере, без помощи сверху при постановке земледельческого хозяйства обойтись все-таки не удалось. Несвобода или полусвобода шла по пятам переселенца, раз он стал земледельцем по преимуществу или исключительно.

V.

Другие формы труда в X—XII веках.

Крестьянин-земледелец, как мы только что видели, при самом своем происхождении, при появлении на исторической сцене, носил в себе заро ыш рабства и крепостничества. Это же можно в общем и целом повторить и о его современниках— трудившихся в других отраслях хозяйства и общественной жизни. Конечно, в то время уже были мелкие ремесленники в городах и кустари в деревнях, работавшие на заказ или на местный небольшой сбыт. До нас дошло несколько очень ярких и интересных конкретных картинок этого порядка. Таков, например, рассказ Новгородской летописи о том, как житель подгородного п госта Пидьбы вез в Новгород на базар продавать горшки в то самое время, как идол Перуна был ввергнут в Волхов и плыл под большим волховским мостом [1]). Сюда же относятся сообщения Патерика Печерскаго о том, что в Киево-Печерском монастыре монахи „копытца (т.-е. чулки) плетяще и клобуки (шапки)", а Феодосий прял шерсть „на сплетение копытцам" [2]). Есть и другие подобные факты.

---

[1]) Новгор. летопись под 990 г.

[2]) Эти факты впервые отметил и оценил Аристов: „Промышленность древней Руси".

Но характерно, что по Русской Правде „ремесленник“ и „ремесленница“ — холопы [1]). Даже такая интеллигентская профессия, как воспитание детей, повидимому, всегда или почти всегда была связана с рабским положением: рабами в Русской Правде являются „кормилец“ (дядька) и „кормилица“ [2]). По тому же памятнику бывали холопы — поверенные своих господ по их торговым делам, тиуны или приказчики [3]) и т. д. Этому соответствовало и умножение источников холопства в X—XII веках. Прежде единственным, повидимому, источником был плен, и он обыкновенно приводил лишь к временному рабству, не потомственному и не наследственному. Теперь плен, как источник холопства, сохранился: князья во время своих междоусобий после побед уходили обычно, „ополонившись челядью“ [4]). Но кроме того, возник и развился целый ряд других источников и способов порабощения. То были купля-продажа в рабство, женитьба на рабе без особого договора о свободе с ее господином, служба приказчиком или ключником также без особого договора [5]), рождение от несвободных родителей, т.-е. от брака холопа с рабой [6]), наконец, незаконный уход закупа от господина и кража, им совершенная [7]). Сгущение атмосферы несвободы, рабства в X — XII веках явствует и из того обстоятельства, что бояре или княжие мужи стали зваться тогда огнищанами. Из всех толкований этого слова надо признать правильным только то, которое

[1]) Рус. Правда, Акад. сп., ст. 24; Троиц. сп., ст. 14.
[2]) Там же.
[3]) Рус. Правда, Троиц. сп., ст. 111, 112, 114.
[4]) Напр., Нач. лет. под 1096 г.
[5]) Рус. Правда, Троиц. сп., ст. 102.
[6]) Там же, ст. 93.
[7]) Там же, ст. 52.

об'ясняет слово „огнищанин" именно как „рабовладелец", потому что словом „огнища" в древнем, относящемся к XI веку, переводе 12-ти проповедей Григория Богослова передано греческое слово andrapoda (= рабы) [1]). Отожествление бояр с рабовладельцами лучше всего показывает, как много на Руси XI—XII веков пользовались они рабским трудом.

Были ли в те времена свободные представители интеллигентных профессий? В Русской Правде упоминаются „летьц" [2]), т.-е. лекарь, врач и „писец" [3]). Но второй был, вероятно, чиновником князя, а первый просто деревенским знахарем. В монастырях игумены и монахи, подобно знаменитому Сильвестру, который, будучи игуменом Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве, „написа книгы си летописець", или печерскому монаху Нестору „иже написа летописец", занимались литературным творчеством. Составлялись летописные своды, проповеди, поучения, переводилась греческая художественная литература, были монахи-иконописцы. Был и писал, несомненно, вышедший из рядов дружины высокоталантливый певец „Слова о полку Игореве". Во всем этом нельзя не видеть зародышей будущей профессиональной интеллигенции. Конечно, слабые элементы ее были и раньше—в лице тех волхвов и гадателей древнейшей Руси, известия о которых уцелели в наших летописях и остатки которых держались очень долго спустя после оффициального принятия христианства, далеко, как

[1]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства: „Русск. Мысль" за 1886 т., июль, стр. 3, 4, прим. Перевод Григория Богослова в „Известиях Академии Наук по отдел. рус. яз. и словесности" за 1855 г., т. IV, стр. 311.

[2]) Рус. Правда, Акад. сп., ст. 5.

[3]) Рус. Правда, Тр. сп., ст. 67.

известно, не повсеместного и сопровождавшегося сохранением многочисленных и разнообразных остатков язычества,— двоеверием. Мы остановимся еще ниже на происхождении интеллигенции более подробно.

Остается, наконец, отметить, как редкое исключение, существование наемного труда в XII веке: в пространной Русской Правде встречается указание на срочных рабочих, работающих из-за хлеба, иногда и с небольшой денежной доплатой. Повидимому, это бывало лишь в случае крайней бедности и голода. Это — зародыш русского пролетариата, разумеется, в самой элементарной еще форме.

VI.

Хозяйственная характеристика удельного северо-востока России в XIII – XV веках.

Со времен появления книги Павлова-Сильванского „Феодализм в древней Руси“ не может, кажется, существовать сомнения в том, что феодальные отношения, а, следовательно, и феодальное хозяйство не были совершенно чуждыми русскому историческому прошлому. Но при всей важности сближений и параллелей, приведенных названным исследователем, его работа страдает тем основным недостатком, что намечает лишь сходства, не изучая различий. Кроме того, она мало внимания обращает на хозяйство, и потому остается неразъясненным и даже не поставленным вопрос о причинах особенностей русского феодализма. Очевидно, необходимо углубить здесь исследование, чтобы выяснить эту важную научную проблему, без решения которой невозможно сделать ни шагу вперед в изучении истории труда в России удельного времени. Хорошо известно, что и на западе Европы не во всех странах феодализм отлился в одинаковые формы, вернее, не было ни одной страны, не имевшей своих особенностей в феодальных порядках и отношениях, и что эти особенности в последнем счете объясняются отличиями в феодальном хозяйстве разных стран,— тем, было ли такое хозяйство более передовым или более

отсталым сравнительно с классическим типом феодального хозяйства, представленным средневековой Францией [1]). Тот же метод углубленного сравнительно-исторического исследования необходимо применить и к изучению русского феодального хозяйства.

Классическим феодальным хозяйством надо считать вовсе не натуральное хозяйство, как часто думали прежде, а хозяйство денежное, товарное, но рассчитанное на небольшой, местный, узкий, замкнутый рынок, верст в 20—30, иногда и менее в окружности от центрального базара. Таково именно и было хозяйство Франции с половины IX до конца XII века. Наш русский феодализм запоздал сравнительно с французским и вообще с западно-европейским: полный расцвет русского феодализма относится к XIII веку и началу XIV века. Но он не только запоздал хронологически; а и отстал по существу: он не был основан на товарном хозяйстве с местным рынком, а покоился на более примитивном, почти целиком натуральном хозяйстве. Господство натуральных владельческих оброков „поспом", т.-е. хлебом в определенном количестве мер, или долей урожая (половиной, третью, четвертью и пр.), натуральных государственных повинностей (городовое, ямчужное дело, ямская гоньба и пр.), натуральных кормов местной администрации, частые указания на собственное

[1]) Относящийся сюда материал сведен и разработан пишущим эти строки во II томе его „Русской истории в сравнительно-историческом освещении"; ср. для Франции Flach, Les origines de l'ancienne France; Sée, Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge; Lamprecht, Beiträge zur franz. Wirtschaftsleben и пр.; для Германии — Dopsch, Die Wirtschaftsentwickelung der Karolingerzeit; для Англии—Виноградов, Исследования по соц. ист. Англии,—Средневек. поместье Англии и проч.

потребление производимых хозяйственных благ, слабость торговли—особенно внутренней, — все это ставит вне сомнения общий натурально-хозяйственный облик удельной северо-восточной Руси. Натуральный характер оброков, государственных повинностей и наместничьих и волостелинских кормов слишком ясен и известен, чтобы на этом дольше останавливаться. Приведем только два – три конкретных примера производства не на продажу, а с чисто-потребительскими целями. Известно, что Сергий Радонежский шил сапоги для братии своего же монастыря [1]). Он же со своими сподвижниками, а также Стефан Махрищский, Пахомий, основатель Сыпанова монастыря, строитель великоустюжского Архангельского монастыря Киприан занимались земледелием также исключительно на монастырский обиход [2]) и т. д.

Переход к преобладанию земледелия, совершившийся, как мы уже видели, еще раньше, теперь получил совершенно определенные формы: у удельных князей, как и у бояр, монастырей, епископов, на первом плане стояло, именно, сельское хозяйство [3]). И соответственно этому, как и раньше, сложилось и господствовало крупное землевладение натурально-хозяйственного типа; земля подверглась „окняжению" и „обоярению", крестьянство на удельном северо-востоке—между Окой и Волгой— обезземелилось, если не совершенно и окончательно, то в подавляющем большинстве случаев: нельзя было обзаводиться хозяйством и вести его без чужой помощи, без поддержки более состоятельных

[1]) Великие Минеи Четьи, вып. III, 1507 и след.
[2]) Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 327.
[3]) Бахрушин, Княжеское хозяйство в XV и первой половине XVI в.: „Сборник в честь В. О. Ключевского", стр. 564.

людей, отсюда и вышло в конце-концов окняжение и обоярение земли. Все доходы с земли брались обычно натурой—продуктами земледелия или работой—и шли на содержание княжого или боярского двора, дворни огромной, как огромны были часто и самые имения военных и хозяйственных слуг. Обширность и разбросанность нескладного внутренно-несвязного натурально-хозяйственного целого осложнялась и дополнялась тем, что и военные и хозяйственные слуги снабжались за службу и для службы землей во временное и условное—поместное—владение, соответствовавшее западноевропейскому бенефицию на светских землях и прекарию на землях церковных. Даже терминология часто была тожественной на западе и у нас: beneficium по точному смыслу этого слова, соответствующему жизненной функции земли, им обозначаемой, был жалованьем; и наше поместье иногда называлось также жалованьем [1]). Поместья раздавались и князьями—удельными и великими [2]), и боярами [3]), и монастырями [4]), и архиереями [5]).

Изложенная характеристика хозяйства русского удельного северо-востока дает основание прежде всего для того вывода, что в XIII и XIV веках классовое расчленение общества сделало весьма заметные успехи: выделился и сложился особый класс крупных землевладельцев светских и духовных—необходимый признак всякого феодализма, законченного в своем развитии и недоразвитого, и параллельно

[1]) Собрание Госуд. грамот и договоров, т. I, №№ 86 и 87.
[2]) См., напр., там же, т. I, №№ 22, 86, 87.
[3]) Лаппо, Тверской уезд в XVI в.
[4]) Пискарев, Древние грамоты и акты Рязанск. края, №№ 10, 16, 18.
[5]) Рожков, Сельск. хозяйство М. Руси в XVI в., стр. 62, 461.

этому образовалось зависимое владение—служилое (поместье) и крестьянское, половничья и вообще по преимуществу натуральная аренда.

Но недоразвитость русского феодализма сказалась ли на положении трудящихся, на условиях труда в удельной Руси? Это— основной вопрос в исследовании истории труда в России. К решению его и необходимо теперь обратиться.

VII.

Положение труда в удельной северо-восточной Руси XIII и XIV веков.

То обстоятельство, что развитое феодальное хозяйство запада Европы покоилось на базе узкого местного рынка, не широкой, но все же уже товарно-хозяйственной, привело к совершенно определенной организации труда, вполне приспособленной к такой базе. Узкий местный рынок создавал замкнутое, почти вполне самодовлеющее, но внутри органически сплоченное хозяйственное целое. Несколько десятков или сотня-две тысяч человек, живших в пределах крупной баронии, должны были по необходимости точно регламентировать свои взаимоотношения и в первую очередь хозяйственные функции для того, чтобы укрепить это хозяйственное целое, этот почти совершенно изолированный экономический мирок, чтобы упрочить его существование, не допустив его разрушения, крушения. Отсюда вышли две характерные черты в положении трудящихся на средневековом европейском западе — цеховой строй ремесла и прикрепление крестьян к земле.

Исследователи много спорили об исторических прецедентах цехового строя: то выводили его из римских традиций, то считали предшественниками цехов вотчинные magisteria ремесленников, то, наконец, что сейчас пользуется наибольшим успехом, придерживаются теории свободного

происхождения цехового строя. Поскольку речь может и должна идти о прецедентах, быть может, всего вернее то воззрение, что они имеются и здесь и там—и в свободных и в вотчинных, зависевших от землевладельцев ассоциациях. Но, не отрицая значения точного и верного решения вопроса о прецедентах, мы все же не должны забывать, что проблема определения происхождения цехов заключается не только в установлении их исторических прецедентов, но и, главным образом, в определении тех реальных причин, которые дали этим прецедентам продолжение, обеспечили им жизненность. Среди этих реальных причин хозяйственным условиям принадлежит решающее значение.

В самом деле: почему утвердился цеховой строй с цеховой принудительностью, т.-е. запрещением заниматься ремеслом тем, кто в цех не записан, с точным регулированием цен, количества и качества производимых каждым ремесленником товаров, с определенной регистрацией взаимоотношений мастеров, подмастерьев и учеников? Он мог утвердиться только потому, что все было построено на узком местном рынке, расчитано было на неширокий сбыт. Надо было избежать сколько-нибудь чувствительных потрясений и пертурбаций. Отсюда и вышла цеховая регламентация.

Таково же в существе своем происхождение и поземельного прикрепления крестьян, т.-е. такого порядка, по которому не только крестьянин не может оставить свой участок, но и землевладелец не имеет права оторвать от этого участка крестьянина, продать его, заложить, вообще подвергнуть отчуждению в другие руки независимо от земли, им занимаемой, перевести с участка на участок, из имения в имение, из одной области страны в другую, вообще разорвать крестьянина и землю, им занимаемую, на две части. Крестьянин

и земля при наличности прикрепления к земле — неразрывное целое, компактное, единое, неделимое. Все это необходимо именно потому, что узкий местный рынок нуждается в определенном количестве сельскохозяйственных продуктов, продаваемых по определенной цене, следовательно, в постоянном количестве сельскохозяйственных рабочих. Разрешить при таких условиях не только крестьянину свободно уходить, но и землевладельцу произвольно распоряжаться его личностью, осуществлять личное, а не поземельное прикрепление значило бы подвергать благосостояние населения, тяготевшего к данному местному рынку, опасности сильных потрясений, угрожавших полным развалом, гибелью.

В удельной Руси почти не было товарного хозяйства с узким рынком, господствовало хозяйство натуральное. Не могло быть, следовательно, и сложившегося, развитого цехового строя и прикрепления крестьян к земле. То и другое подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении источниками. Конечно, в наших городах, по крайней мере позднее, существовали ремесленные слободы, которые, повидимому, организовывались корпоративно, на подобие цехов, но нет следов ни цеховой принудительности, ни регламентации цен, количества и качества вырабатывавшихся изделий. С другой стороны, хорошо известно и прочно установлено, что крестьяне пользовались свободой перехода. Эта свобода перехода засвидетельствована, не говоря уже о позднейших данных, таким документом XIV века, как духовная грамота удельного князя Владимира Андреевича [1]). Свобода крестьянского перехода имела, надо думать, экономическую подкладку: среднее крестьянское хозяйство того времени в

[1]) Собрание государственных грамот и договоров, т. I, № 40.

большинстве случаев, вероятнее всего, могло, с помощью землевладельцев, сводить концы с концами, обойтись без непоправимого по крайней мере дефицита. Это видно из того, что по старинной традиции, отмеченной позднее, нормальный крестьянский участок – выть, равная „однокольцу", т.-е. владельцу одной колышки или телеги [1]), иначе — рабочему на одной лошади,—был достаточен для содержания средней крестьянской семьи. Однако, это справедливо далеко не для всех случаев, а только для их большинства, притом лишь при нормальном ходе хозяйства, когда не было пертурбаций или невзгод, его постигавших. А такие пертурбации и невзгоды при низкой землевладельческой технике случались очень часто. Отсюда происходила задолженность многих крестьян, и она мало-по-малу уже тогда опутывала крестьян и стесняла свободу их перехода. Вследствие этой задолженности, имения нередко отчуждались вместе с „крестьянским серебром", с долгами, лежавшими на крестьянах, а, следовательно, и с самими должниками „со крестьяны", как прямо выражаются грамоты [2]). Затем в XIV веке встречаем важное ограничение свободы крестьянского перехода: в договорных грамотах князья взаимно обязываются „промежи себя не принимать в свои уделы" людей данных, черных, письменных, численных или числяков и тяглых [3]). Все эти термины, несомненно, относятся к крестьянству: люди данные—те, которые платят дань—прямую подать, черные—платящие подати и отбывающие повинности, тяглые—несущие тягло, т.-е. те же подати и повинности,

[1]) Милюков, Спорные вопросы финансовой истории Московского государства, стр. 43.

[2]) Русская Историческая Библиотека, т. II, № 8.

[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, №№ 34, 35 и др.

письменные, численные люди и числяки—переписанные, занесенные в писцовую книгу, исчисленные в ней по количеству, сосчитанные с теми же целями обложения. Это, значит, все крестьяне. Их право перехода тут прямо не уничтожается, но оно стесняется путем взаимного уговора князей не принимать их в свои уделы из чужих.

Наконец, в среде крестьянства было много закладней, людей задавшихся за кого-либо, отдавшихся под чужое покровительство и защиту, подчинившихся чужой частной юрисдикции и финансовой, податной власти; закладничество—это западно-европейская коммендация, зачаточная форма феодализма [1]). Закладни, как и западно-европейские коммендаты, не были связаны со своими патронами постоянною связью подданства, вассалитетом. Но зародыш вассалитета здесь уже имелся налицо. Юридически закладни все же считались свободными, не причислялись к холопам.

Свободными же были в это время и так-называемые кабальные люди—состояние, обязанное своим происхождением также долгу, задолженности. Так назывались лица, сделавшие заем и обязавшиеся особым письменным актом — „служилой кабалой“—за проценты по этому займу, „за рост служити“ кредитору „по вся дни во дворе его“. Уплатив долг, кабальный человек мог свободно уйти от бывшего своего кредитора.

Таковы были довольно уже многочисленные признаки, указывавшие на стихийные тенденции житейских отношений и порядков, подготовлявшие если не прямо крепостничество, то стеснение крестьянской свободы перехода, и отчасти также на сознательные стремления и попытки верхов общества—князей по крайней мере—в том же смысле и напра-

[1]) Павлов-Сильванский, Феодализм в древней Руси.

влении. Но натурально-хозяйственное обширное, часто разбросанное, черезполосное земельное владение князя, боярина, монастыря, епископа не могло обойтись одними крестьянами. Их оброки, изделье, помочи не давали ему всего, что нужно. Большой боярин, удельный, тем более великий князь, настоятель богатого монастыря, князь церкви—митрополит или архиепископ — нуждался в многочисленной дворне, в обслуживании своего дворца и разных статей или, как тогда выражались, „путей" дворцового хозяйства, в уходе за лошадьми и вообще скотом, в наблюдении за столом — яствами и питиями, в правильном содержании и организации охоты – звериной и птичьей и т. д., наконец, в постановке огородничества, садоводства и дворцовой пахоты. Все это требовало рабочих сил разных рангов и видов, и эти рабочие силы были несвободные, холопские, рабские, причем холопы соответственно своим специальным назначениям дифференцировались, разделялись на несколько разрядов. Среди них, прежде всего, выделялись „большие холопы", т.-е. княжеские и боярские приказные люди,—ключники, посельские, тиуны, вообще „слуги под дворским", подчиненные дворецкому и начальникам дворцовых путей—стольнича, чашнича, конюшего, ловчего, сокольничего. Эти слуги под дворским, хозяйственные слуги князей и бояр, управляющие и приказчики их имений и руководители отдельных отраслей большого натурального хозяйства, были одним из элементов будущего дворянства, ибо они жили на дворе князя или боярина, откуда и получился термин „дворяне". Был еще ряд холопов „меньших". То были, прежде всего, холопы-страдники, сидевшие на дворцовой пашне [1]), далеко не обшир-

[1]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства в России; Бахрушин, Княжеск. хозяйство—в „Сборнике" в честь Ключевского, стр. 565.

ной, но все же существовавшей. Садовники и огородники в удельное время обычно были тоже холопами [1]). То же надо в сущности повторить, вероятно, и о конюхах и других разрядах низших слуг по разным отраслям дворцового хозяйства. Наконец, среди полных холопов, вполне несвободных людей, подобных тем, кого прежде называли холопами обельными, значились еще ордынцы и делюи. Ордынцы— это пленные, выкупавшиеся князьями из татарской орды и поселенные на княжеских землях [2]). Делюи—вероятно, предшественники будущих „деловых людей", может быть, работавшие иногда и на пашне князя и уж во всяком случае занимавшиеся ремесленной работой на него, но жившие на господском дворе, а не особо.

Источники холопства были попрежнему разнообразны: сюда относилась потомственность холопского положения— рождение от родителей-холопов, затем женитьба на рабе, замужество за холопа, продажа, обращение в рабство за долги. Личное положение полного холопа было юридически и тактически близко к полному бесправию. Правда, за убийство чужого холопа полагалось наказание, но, по уставной Двинской грамоте XIV века, господин, ударивший своего холопа и причинивший ему этим смерть, не подвергается судебному преследованию [3]). Холопы не облагались и прямыми податями: по княжеским договорам XIV и XV веков, дань „на полных холопех не взяти" [4]).

---

[1]) Бахрушин—в „Сборнике" в честь Ключевского, стр. 568.
[2]) Соловьев, История России, т. IV.
[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 13.
[4]) Собрание Гос. Грамот и Договоров, I, №№ 33, 35 и др.

VIII.

Хозяйство и труд в вольных городских общинах удельной Руси.

Во всех странах мира тогда, когда существует феодализм обычного типа, основанный на господстве крупных землевладельцев при натуральном хозяйстве или при хозяйстве, основанном на узком местном рынке, ощущается некоторая потребность во внешнем обмене. Она не велика для каждой отдельной баронии, но все же эта потребность неустранима. Операцию посредничества между хозяйственно-замкнутыми феодальными владениями, транзитной торговли, берут на себя специально феодальные общества особого типа — муниципально-феодальные общины или республики, государства-города или, точнее, города-феодальные вотчинники.

Такими феодальными общинами торгового типа на Руси были Новгород и Псков, которые посредничали между севером и северо-востоком удельной Руси и Западной Европой через немецкую Ганзу. Будучи формально демократическими, вечевыми, они на деле, фактически являлись олигархиями, организациями аристократической власти. Хозяйственные порядки и отношения вольных городов с железной необходимостью приводили их именно к такому сочетанию общественных сил. Вести обширную транзитную торговлю

можно было лишь сообща, коллективно, компаниями. И мы имеем товарищества купцов — полные и коммандитные (товарищества на вере), типическим примером которых может служить новгородское товарищество купцов-торговцев воском [1]). Но и этого было мало: и товарищество не могло поддерживать обороты свои одной складчиной, — оно нуждалось еще в кредите. Отсюда вышли и развитые постановления Псковской судной грамоты о кредитных сделках, и летописные известия о боярах банкирах и ростовщиках [2]), и даже народные предания о ростовщической деятельности новгородского боярства [3]). Как ростовщики, банкиры, новгородские бояре держали в своих руках купцов, начиная с самых богатых из них — „житьих людей", — и городских ремесленников, и даже крестьян. Но крестьян они подчиняли себе еще тем, что владели огромными землями, как и владыка архиепископ новгородский и монастыри. В этом отношении они были феодалами обычнаго типа [4]).

Понятно, при таких условиях, что, предлагая вечу решение тех или других вопросов, боярский правительственный совет Новгорода был почти всегда уверен, что решение вечевой сходки не разойдется с его мнением [5]). Аристократический по существу политический строй покоился, таким образом, на экономическом подчинении трудящихся масс боярскому меньшинству. Это уже само собою бросает свет

[1]) Дополнение к Актам Историческим, т. I, № 3.

[2]) Псковская судная грамота, изд. Археогр. Ком., ст. 14, 15, 19, 28, 29, 30, 31, 32, 36, 38, 62, 73, 74, 75, 84, 85, 86, 92, 93, 94, 103, 104, 107. Новг. 1—4 летопись под 6717 г.

[3]) Таково сказание о посаднике Щиле, дававшем деньги в рост: Ключевский, Боярская дума, изд. 1-е, стр. 249.

[4]) См. Новг. летописи с 6717 г., Новг. писц. книги и т. д.

[5]) Ключевский, Боярская дума, стр. 265—267; Никитский, Очерки из жизни В. Новгорода: „Жур. Мин. Н. Пр." за 1869 г., окт.

на положение в Новгороде так-называемых черных людей. Состав этой демократии был чрезвычайно пестр, — к ней принадлежали, прежде всего, те, кто в позднейших писцовых книгах носил название городчан, — городские жители, занимавшиеся мелкой торговлей, ремеслами, может быть также поденной работой по найму; сюда же относились далее своеземцы или земцы, обладатели мелкой земельной собственности в уездах, в Новгородской провинции, смерды, сироты, крестьяне, изорники (пахари), огородники, котечники (рыболовы) — все арендаторы чужой земли для разных хозяйственных целей, наконец, поземщики — непашенные люди, сельские ремесленники и работники по найму.

Тяжелое материальное положение черных людей, экономически зависимых от крупного землевладения или от крупного капитала, усугублялось теми государственными повинностями и податями, которые лежали исключительно на них. Черные люди платили татарскую дань, ложившуюся, правда, юридически на все население, но фактически перелагавшуюся богачами на бедняков: при ее сборе „вятшие творили себе добро, а меньшим зло“. Но уже исключительно одни черные люди вносили „черный бор“, поступавший новгородскому князю — в XV веке он собирался по одной гривне с сохи. Затем на черных людях лежало „поралье посадниче и тысяцкого“ — особый налог в пользу новгородской выборной администрации; наконец, они же отбывали натуральную повинность городового дела, т.-е. постройки и починки городских укреплений [1]).

Землевладение в северных владениях Новгорода и в том виде, как о нем сообщают Псковская судная грамота и

[1]) Новг. 1 и 4 летоп. под 6767 г.—Акты Археогр. Эксп., т. I, № 32.—Акты Историч., I, № 17.—Новг. 1 и 4 лет. под 6938 г.

отчасти — в отношении своеземцев — новгородские писцовые книги конца XV века, бросает свет на те формы отношения к земле, которые являлись в русской — да и не в одной русской — истории промежуточными между старинным вольным или захватным землепользованием и окняжением и обоярением земли, образованием крупной светской и духовной землевладельческой вотчины феодальнаго типа. Повидимому, даже эта вотчина долгое время лишь прикрывала собою сверху те поземельные отношения, которые продолжали существовать внизу, в крестьянской среде — не только в XIV и XV веках, но и в XVI—XVII и даже отчасти позднее [1]). Русский землероб и на севере, и в ближайших к Новгороду и Пскову их владениях, как и в бассейне Оки и Волги, по старой традиции, ведшей свое начало от вольного землепользования, считал своей собственностью не землю, а труд, в нее вложенный: земля была божья да новгородская, а крестьянским было только „посилье". Но в лесном и болотистом краю это „посилье" давалось нелегко первому поселенцу. Вот почему права на землю его, этого первого поселенца, и его кровных правопреемников считались более прочными, чем права позднейших заимщиков или покупщиков, остававшихся лишь временными держателями земли до появления вотчинника. Естественно, что, продавая землю другим, эти позднейшие заимщики и покупщики земли обязывались в случае, если, „выищется вотчич", вернуть покупателю деньги, а он в свою очередь должен был отдать „вотчичу" землю. Но этот единственный результат трудности первоначального „посилья" и влияния старых приемов вольного землепользования совершенно заслонялся вновь воз-

[1]) Русская Историческая Библиотека, т. XIV, А, № XX.

никшими землевладельческими отношениями — долевым, соседским, складническим или сябринным владением. Семьи первых поселенцев хозяйствовали сообща, трудились вместе и по смерти отца и по образовании новых семей у его детей. Они жили сначала и на одном дворе, только, по мере умножения населения, в разных избах, и отдельные семьи получали равную с другими долю продукта общего труда, так как каждый сын имел право на равную долю наследства от отца. Но уже тут обнаруживались противоречия интересов: семьи братьев могли быть неравны и потому вносили не одинаковый труд в общее дело, а продукт делился поровну. В третьем и дальнейших поколениях дело еще более осложнялось в этом отношении, и родственники-совладельцы начинали тянуть врозь, стремиться не только к дележу продукта, а к раздельному хозяйству, т.-е. к разделу земли, сначала временному, предполагавшему новые переделы, так что каждый владелец являлся собственником не конкретного участка земли, а идеальной доли в общей земле. Размер этой доли определялся положением данного совладельца по отношению не к первоначальному поселенцу, основателю хозяйства, а к своему отцу — размер доли зависел оттого, сколько братьев имел данный совладелец. Переделяя землю по этим идеальным долям, потомки первоначального поселенца также стали продавать свои права на эти идеальные доли. Отсюда в кровный родственный союз совладельцев стали проникать чужеродные элементы — сябры или шабры, соседи, складники. Наконец, временные переделы перешли в окончательные разделы.

Наши источники дают ряд фактов, иллюстрирующих ярко отдельные моменты этого процесса. Есть факты, показывающие, что чужеродцы-складники или сябры вступали в соседский дом путем покупки долей даже не земли, а про-

дукта, когда земля еще не была разделена [1]). Но были и затем участились случаи продажи и земли временно-переделяемой, разделенной, но не „росписанной" окончательно. Наконец, есть много фактов окончательного раздела, причем складники обязуются больше „земли не переделивати". Это крестьянское долевое или складническое, сябринное, соседское владение не только превращалось в подворно-наследственное без переделов, индивидуализировалось путем разделов, но и подвергалось посторонним землевладельческим влияниям двоякого рода: с одной стороны, монастыри и частные владельцы проникали в него путем покупки долей отдельных совладельцев, с другой, так как ведь все же дольщикам в их понимании принадлежало только „посилье", вложенный в землю труд, а самая земля была божья да новгородская, то это высшее, новгородское право собственности могло перейти, главным образом, пожалованием от „государя Великого Новгорода" в руки частных лиц и церковных учреждений, и они становились высшими собственниками крестьянской земли. При этом сначала это не мешало ни переделам долей, ни их отчуждению совладельцами посторонним, с сохранением попрежнему прав высшего собственника. Потом высший собственник постепенно аннулировал право отчуждения [2]).

Таковы были формы землевладения черных людей и их землевладельческие права, постепенно убывавшие. Каковы же были формы отношений труда к капиталу?

В сельском хозяйстве на владельческих землях—боярских, владычных, монастырских—основной формой взаимо-

[1]) Русская Историч. Библиотека, т. XVI, А, № II. — Моск. Архив Мин. Юст., грам. колл. экон., № 13177.

[2]) Моск. Гл. Архив Мин. Иностр. дел, связка I, № 1.—См. П. Иванов, Поземельные союзы и переделы на севере России.

отношений крестьян к владельцам была аренда за оброк большею частью натурой — известным количеством мер хлеба и других сельскохозяйственных продуктов или долей урожая — половиной, третью, четвертью, пятиной (это — половничество). Писцовые книги конца XV века почти каждой своей страницей доказывают это положение. И Псковская судная грамота говорит об изорниках, огородниках и котечниках, отдававших землевладельцам долю продукта. Следует отметить, что та же грамота знает также в качестве обычного явления „покруту" — ссуду, заем, производившийся крестьянином у землевладельца. Эта ссуда была тем более необходима, — что, как показывают вычисления, сделанные на основании писцового материала [1]), хозяйство новгородского крестьянина часто сопровождалось весьма значительным дефицитом. — Даже крестьянское, особенно своеземческое, тем более владельческое — боярское, монастырское, владычное хозяйство не обходилось без наемного труда. Псковская судная грамота знает наем на сельские работы, упоминает о „скотнике" или наемном пастухе, а также о подсуседнике [2]), который, надо думать, был батраком, работавшим из платы натурой. Владельческую пашню — вообще необширную — обрабатывали также в небольшом сравнительно количестве, как то показывают писцовые книги, холопы. Один акт XV века знает „одерноватых", т.-е. полных, холопов, которые „емлют месячину", пропитание за работу на господской пашне, не имея своего участка. В Псковской судной грамоте встречаем и „закупня" — закупа Русской Правды, полусвободного должника, обеспечившего свой долг само-

[1]) Рожков, Русск. история в сравнительно-историч. освещении, т. III, стр. 307—308.

[2]) Псковская суд. грам., статья 18, 103.

залогом. Повидимому, он снимал землю из известного снопа, а не работал на барской пашне.

Та же Псковская судная грамота изображает формы обрабатывающей промышленности; она говорит о наемном плотнике, о ремесленном ученичестве [1]). Было, конечно, и домашнее кустарное производство для собственного потребления: писцовые книги упоминают часто о домашней выделке полотна.

Торговля — особенно внешняя — создавала особые виды труда, с нею связанные: таковы были артели лоцманов, сопровождавших суда в волховских порогах, и лодочников, разгружавших суда и перевозивших товары в город [2]).

Уже из предшествующего изложения видно, что в отношении к государству граждане Новгородской республики не были равны: высшие выборные должности замещались боярами, правительственный совет, составлявшийся из бывших должностных лиц, оставивших свои посты, поэтому также состоял только из бояр; подати и повинности главной своей тяжестью ложились также на трудящиеся массы. Единственным государственным правом, каким обладали черные люди, являлось только право участия в вечевой сходке. Но так как вече было юридически носителем верховной власти, а, с другой стороны, торговля развивала сделки, обязательства всякого рода и, следовательно, гражданское право вообще, то из сочетания этих условий и обстоятельств получилось долгое время державшееся гражданское равноправие. Личные гражданские права всех новгородских и псковских граждан, в том числе и черных людей — их жизнь, здоровье, свобода и честь — ограждались одинаково, без всяких сословных различий. Наймит дворный, наемный плотник могли уйти

[1]) Псков. суд. гр., ст. 41, 102.

[2]) Никитский, История экономического быта Великого Новгорода.

от нанимателя даже до истечения срока найма. Изорник, огородник и котечник пользовались правом полной свободы перехода [1]). Личная свобода до такой степени ограждалась, что если кто-либо, об'явив другое лицо своим рабом, позволял себе насилие над ним до суда, то он тем самым признавался неправым в своем иске. Честь всех новгородцев и псковичей, в том числе и черных людей, получала одинаковую правовую защиту: за вырывание бороды, „наход“ и „наезд“, независимо от сословного положения потерпевшего, следовало одинаковое наказание, более тяжелое лишь для богатых и облегченное для менее состоятельных виновных [2]). Равенство всех новгородцев и псковичей в правах имущественных также не подлежит сомнению.

И, однако, поскольку речь идет о свободных людях из среды трудящихся, в XIV—XV веках стали наблюдаться значительные признаки уменьшения их правоспособности, появились зародыши крепостных связей и отношений. Крестьяне мало-по-малу сближаются с холопами, становятся с ними в некоторых отношениях на одну доску, в одинаковое положение. Их не прямо, правда, а косвенно, путем договоров с великими князьями московскими, прикрепляют не к владельцам, не к имениям и не к участкам, ими занимаемым, но по крайней мере к новгородским владениям вообще: князья берут на себя обязательство выдавать бежавших к ним из новгородских владений крестьян, как и холопов [3]). Затем, повидимому, землевладелец имел право присутствовать на суде, если велось дело не только его

[1]) Пск. суд. гр., ст. 40—44.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 92.
[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 9, 10, 15; Акты Эксп., т. I, № 57.

холопа, но и половника [1]). Наконец, зависимость крестьян от землевладельцев выражалась и в том, что закон налагал на землевладельцев обязанность доставлять на суд по требованию властей не одних лишь их холопов, но и крестьян [2]). Что касается, наконец, холопов, то бывшие полные или обельные холопы носили в Новгороде название одерноватых от символизировавшего факт передачи или продажи в рабство акта вручения покупателю куска дерна. Их положение совершенно соответствовало положению обельных холопов: они отчуждались, как всякая собственность, не имели ни личных, ни имущественных прав, почему не могли выступать на суде ни в качестве истцов, ни как свидетели и не платили податей, например, не подлежали черному бору. Впрочем, допускалось свидетельство холопа против другого холопа [3]).

Чем дальше шло развитие новгородской олигархии, тем хуже становилось положение трудящейся демократии. Новгородские летописи XV века неустанно повторяют жалобы на насилия, злоупотребления и беззакония аристократии и властей: они жалуются на то, что „бе, по волости из'ежа велика и боры частые, крич и рыдание и вопль и клятва всими людми на старейшины наша и на град наш, зане не бе в нас милости и суда права", что „посадники и великие бояре насилья держат", „никому их судити не мочи" [4]). Этим об'ясняется и победа Ивана III, покорение Новгорода Москвой: новгородская вольность была монополией верхов общества и нимало не обеспечивала интересов широких масс.

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 6, 7, 8, 9, 10, 15.
[2]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 92.
[3]) Акты юридические, №№ 71, 110 и др.—Акты Арх. Эксп., I, №№ 32, 57, 92.—Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 10, 15.
[4]) Новг. 4 лет. под 6954 г.; Псковск. 1 лет. под 6984 г.; Никон. лет., VI, стр. 13, 17.

IX.

Перемены в положении трудящихся масс в эпоху упадка русского феодализма.

Русский, как и всякий другой, феодализм стал клониться к упадку тогда, когда стало делать первые успехи товарное хозяйство с обширным рынком, начали слагаться первые элементы будущего торгового капитализма. В России этот процесс был облегчен не столько равнинностью страны и обилием рек и речек, сходящихся верховьями между собою, сколько продолжительностью зимы и снегового покрова, создавших удобные и относительно скорые пути сообщения. Здесь по-истине не бывать бы счастью—переходу от натурального хозяйства к торговому капитализму с минованием товарного хозяйства с местным узким рынком,—да несчастье помогло,—помогла суровость и продолжительность русской зимы.

Любопытно следить, как сбыт товара на сотни верст проникает отдельными струйками в толщу натурального хозяйства, разлагая последнюю, проводя по ней отдельные трещины и борозды. Когда мы видим, что жители Переяславль-Залесского уезда ездят торговать в Нижний-Новгород, а тверские купцы торгуют с Переяславлем, что туда же тянут в торговом отношении некоторые местности Суздальского уезда, что Рязань и Тверь обеспечивают и регулируют свои коммерческие интересы в Москве, что Калуга торгует с Литвой и другими иностранными соседями, что в Москве

постоянно проживают немецкие и армянские купцы [1]), то становятся ясными предпосылки грядущего образования не только национального, но и международного рынка. Скупщик начинает вступать в свои права в качестве посредника между мелким производством, эксплоатируемым им хищнически, ростовщически, и обширным рынком: кто, как не скупщики сбывали даже и за-границу те „деревянные кубки, искусно украшенные резьбой, и другие деревянные вещи, необходимые в домашнем обиходе", о которых говорит в самом начале XVI века посетивший тогда Россию посол германского императора Сигизмунд Герберштейн? Откуда, как не от работы на рынок, могли получиться деньги у крестьян имений Троице-Сергиева монастыря в половине XV века, так что у них явилась возможность платить корм наместнику в денежной, а не в натуральной форме?

Рынок расширяет сбыт сельскохозяйственных и других продуктов и увеличивает барскую запашку, следовательно, также и барщину. Конечно, и здесь налицо имеются лишь отдельные новообразования, не создающие еще массовой перемены, только частично видоизменяющие зачаточно-феодальную, натурально-хозяйственную старину. Но во всяком случае мы имеем ряд фактов, указывающих на существование барской запашки в первые десятилетия XVI века в уездах Рузском, Коломенском, Дмитровском, Владимирском, Волоколамском, Переяславль-Залесском [2]).

Для этих зародышей нового хозяйства нужны более постоянные, чем прежде, рабочие силы и в большем, чем раньше, количестве. С другой стороны, начинающиеся хозяй-

[1]) Соловьев, История России, т. V, стр. 237—239; Акты Историч., т. I, № 143; Собр. Гос. Гр. и Дог., I, №№ 36, 65, 76, 77.

[2]) Рум. Музей, сборник Беляева № 1620, лл. 250, об. 251, 277; Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 129, 131.

ственные перемены больнее всего отражаются на малоимущих, трудящихся элементах деревенского населения, на крестьянской массе. Совокупное действие всех этих обстоятельств завязывало туже немногие прежде, слабые еще узлы грядущей крепостной неволи и связывало многие новые явления в том же смысле и направлении.

Конечно, крестьяне не утратили еще старой свободы перехода: она нашла себе точное и ясное законодательное выражение в Судебнике 1497 года[1]). Этот же Судебник установил окончательно и срок перехода — Юрьев день осенний (26 ноября), за неделю до него и неделю спустя после него — и форму „отказа" — заявления крестьянина об уходе. Все это далеко было от каких бы то ни было ограничений свободы крестьянского выхода: тут речь шла не об ограничениях, а только о регулировании, упорядочении сложившихся отношений, совершенно свободных юридически, чисто-договорных. Но, если не юридические ограничения, то фактические именно экономические затруднения в осуществлении признанного законом права свободного крестьянского перехода вытекали из потребности крестьянина в постройках — доме или избе и надворных хозяйственных строениях. Затруднения постигали здесь крестьянина одинаково в обоих случаях: и тогда, когда он садился на застроенный уже участок, и в том случае, если занимаемый им участок был незастроен. В первом случае, то-есть при поселении на застроенном участке, крестьянин, по Судебнику 149[illegible] г., должен бы заплатить, уходя к другому землевладельцу, „пожилое" за пользование двором и всеми постройками в размере одного рубля в местах полевых и полтины

[1]) Акты Историч., т. I, № 105.

в лесных местностях (около 50—100 р. на наши золотые деньги). Это было нелегко, потому что годовой денежный бюджет крестьянина едва ли многим превышал обычно эту сумму. В случае, когда крестьянин садился на незастроенный участок, положение значительно осложнялось: тут получались не только фактические, но уже отчасти и юридические затруднения в переходе. Садясь на участок без строений, крестьянин обязывался его застроить и за то получал от землевладельца льготу, т.-е. известное облегчение в уплате оброка, отбывании изделья и во взносе государственных податей. Льгота давалась на определенный срок [1]) и тем самым обязывала крестьянина в этот срок не уходить и выполнить свои обязательства по застройке участка. Это—во-первых. А во-вторых, крестьянин иногда получал „на дворовое строенье и для пашни" также еще „подмогу" натурой или деньгами. Эта подмога, как показывают документы XVI века, тогда не подлежала возврату, как долг, была безвозвратным пособием для приведения хозяйства в надлежащий порядок. Но эта работа по упорядочению хозяйства, необходимость которой обусловливалась подмогой, привязывала на все время своей продолжительности крестьянина к данному землевладельцу.

Но крестьянин нуждался не только в доме, дворе и хозяйственных постройках: ему нужны были хлеб для посева и пропитания и деньги на живой и мертвый инвентарь и другие нужды. Отсюда вытекали займы крестьянина у землевладельца. В разных актах XV века много говорится о заемном жите (хлебе), заемном серебре (деньгах), об „издельном серебре", „деньгах в селех в ростех" и „росто-

[1]) Ключевский, Происхождение крепостного права в России: „Русская Мысль" за 1885 г., № 10, стр. 7.

вом серебре". Заемное жито и серебро, повидимому, было беспроцентной ссудой и только при просрочке уплаты занятого превращалось в процентный долг. Но и его нелегко было уплатить. Еще труднее было расплатиться с процентным долгом—возвратить „заемное серебро", „деньги в селех в ростех" и „ростовое серебро", бывшее займом под будущую работу (изделье) вместо процентов [1]). Все эти долги привязывали крестьянина к землевладельцу до весьма трудной для него уплаты их, тем более, что неисправность в уплате грозила выдачей головою кредитору до искупа, согласно Судебнику 1497 г.

Но и это еще не все. Жизнь создавала и другие крепостнические тенденции, вытекавшие из „старины" или „старожильства", приписки к тяглу и специальных, частных ограничений и стеснений. Старина или старожильство — давность жительства крестьянина в имении землевладельца, рождение в крестьянстве за кем либо, переход в руки другого человека вместе с землей по какой-либо сделке или по наследству [2]). Она стала делаться препятствием к переходу на другие земли только во второй половине XV в.,— в первой же его половине еще можно было перезывать к себе „тутошних старожильцев" [3]). Приписка к тяглу — запись в писцовые книги, превращение в людей „письменных" — также приводила к стеснению свободы перехода: таких людей князья обыкновенно запрещали перезывать из их княжеств. Наконец, иногда встречались частные ограничения, князья давали землевладельцам право не выпускать из себя крестьян [4]).

---

[1]) Ключевский, Происхождение крепост. права.
[2]) Дьяконов, Очерки из истории сельск. нас. в Моск. государстве, стр. 22, 39, 45.
[3]) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 44.
[4]) Там же, т. I, № 64; Акты Историч., т. I, № 59.

X.

Интеллигенция древней Руси до половины XVI в.

История труда не есть только история труда физического, трудовая энергия может быть и бывает также нервной, умственной. Те, кто посвящает себя этого рода труду, носят у нас обыкновенно название интеллигенции. Но здесь является вопрос: входит ли история всякой интеллигенции в историю труда? Несомненно, интеллигенцией в смысле людей со способностью сознательного отношения к окружающей действительности являлись в древности князья и другие представители общественных верхов. Но умственный, интеллигентский труд не служил для них источником средств существования, не делая их умственно-трудящимися в собственном смысле этого слова. Поэтому и в истории труда им нет места. Это одна предварительная оговорка. Другая состоит в том, что и трудящаяся, демократическая, живущая своим умственным трудом интеллигенция не вся служит интересам народных масс, интересам трудящихся. Поэтому, изучая историю интеллигентского труда, надо иметь в виду отдельные группы интеллигенции и строго различать тяготение этих отдельных групп к той или другой классовой группировке.

Какие, если не представители, то зародыши представителей интеллигенции были в языческой Руси, в древнейшее

время — до X века? Повидимому, здесь ответ совершенно ясен: таковы были тогда волхвы, гадатели, о которых говорят наши летописные предания, и дружинные певцы, подобные с таким уважением называемому в „Слове о полку Игореве“ Бояну.

Волхвы были, несомненно, не жрецами: жрецами были родовые и племенные старейшины, являвшиеся естественными представителями кровных союзов перед таинственным миром богов и духов, одушевлявших, по старинным верованиям, все существа, предметы, явления и действия в окружающей действительности. Волхвы были специалистами по гаданию и заклинанию, колдунами, шаманами. В кровных союзах, где классовое расчленение еще не зашло далеко, они служили интересам не только старейшин, но и массы. И на этом зиждилась их позднейшая популярность именно в народных массах, которые и во времена христианства прислушивались к голосу волхвов [1]). От волхвов шло, впрочем, не одно гадание, но и лечение — они были врачами, лечившими при помощи „наузов“ (талисманов) и посредством заговоров. Заговор — вид устной народной словесности, основанный и развитый волхвами. Волхвы являлись таким образом идеологами того „хаотического конкретизма“ в религии и вообще в духовной культуре, который отличал древнейшую Русь, как и другие народы в соответствующую эпоху их исторического существования. Мы не имеем конкретных данных, чтобы судить о способах и размерах вознаграждения волхвов за их труд. Но, повидимому, это вознаграждение состояло в приношениях натурой и в частях от тех жертв, которые делались верующими. Во всяком

[1]) См., напр., Начал. летопись под 1073 годом.

случае не подлежит сомнению, что труд волхва был по тому времени трудом квалифицированным, эта первая интеллигентская профессия высоко ценилась и уважалась.

То же, по крайней мере до некоторой степени, должно быть повторено и о труде дружинных певцов и сказителей. Это видно по почтительным, даже восторженным отзывам „Слова о полку Игореве“ о „вещем Бояне“: певец считался недаром вещим, мудрым, и казался не менее, чем волхв, обладателем истины, вдохновляемым божественной силой. Конечно, эти певцы появлялись еще в языческое время: на это указывают уже обильные языческие и в тесном смысле даже анимистические реминисценции того же „Слова о полку Игореве“. Дружины первых новгородских и киевских князей-язычников, конечно, имели таких певцов, как имели их скандинавские викинги. Такой певец, быть может, часто соединял в своем лице дружинника и поэта и музыканта и сказителя. Он пел „славу князю“, служил интересам власти и ее носителей, верхов общества. Были такие певцы и сказители до призвания варяжских князей? И нельзя ли поэтому считать их происхождение не только варяжским, но и славянским? Существование народных сказаний о быте первоначальных поселенцев нашей равнины из славян — напр., о Кие, Щеке, Хориве и Лыбеди, о дулебах и обрах (аварах)—и древность славянских музыкальных инструментов как будто дают основание относить появление певцов и сказителей не только к варяжской, но и к славянской древности. У племенных князей могли быть такие певцы и сказители. Здесь, как и во многом другом, наблюдается сходство обычаев и явлений первоначальной истории разных племен и народов, которые история сводит вместе и соединяет на одинаковой ступени их развития,

почему и слияние их в единую народность достигается с большой легкостью, и нельзя определенно различить, какому из них принадлежит тот или другой обычай, то или другое явление? они принадлежат обоим.

Некоторым элементом будущей интеллигенции являлись „кормильцы" и „кормилицы", т.-е. воспитатели и воспитательницы из рабов. Но определенно говорить об их существовании можно уже собственно во второй период русской исторической жизни,—в X—XII веках. Не раньше X века о них говорит летопись: таким „кормильцем", дядькой, воспитателем Владимира был, по ее рассказу, Добрыня, сын Малка Любечанина, брат ключницы Малуши, вероятно рабы, следовательно дядя Владимира, который был сыном Святослава и Малуши, и потому назывался „робичичем", т.-е.—сыном рабы. О „кормильцах" и „кормилицах" из рабов говорит „Русская Правда" XI—XII веков [1]). Конечно, холопы и рабы чаще всего, вероятно, были очень элементарными педагогами, дядьками и кормилицами в собственном, ближайшем смысле этих слов, т.-е. физическими руководителями княжеских детей, но тот, на ком лежит такой внешний уход за детьми, естественно усваивает и действительно воспитательские функции, и потому первыми педагогами в России приходится считать именно таких „кормильцев" и „кормилиц".

В связи с этим надо поставить появление во второй период учителей грамоты. Исследователи совершенно точно установили, что и в X и в XI веках и даже до XVI в. не может быть речи об училищах, о государственных школах; их не было ни тогда, ни долго после. Даже Византия того

[1]) Начал. летопись под 979 г.; Академич. список, ст. 24; Троиц. сп., ст. 14.

времени не знала государственных школ. Но отдельные, частные учителя были: так, Нестор в житии св. Феодосия печерского свидетельствует, что Феодосий был отдан для обучения „единому от учитель". Начальная летопись рассказывает, что Владимир велел собрать сыновей бояр— „нарочитой чади" для обучения грамоты, очевидно у отдельных учителей, а Ярослав в 1030 г. собрал 300 детей крестьян и священников также для обучения грамоте с целью потом определить в священники. Духовенство христианское и было преемником и заместителем прежних волхвов. Но оно пошло дальше их, стало само обучать грамоте и явилось, что еще важнее, первой и главной литературной силой древней Руси. Вероятнее всего, к числу представителей духовенства принадлежали те писцы, которые, по приказанию Ярослава, переписывали для него готовые болгарские переводы разных книг, и переводчики, делавшие для него же новые переводы греческих произведений на славяно-русский язык [1]). Переводы продолжались и в XII веке, и их характер и содержание показывают те интересы, которые входили в умственный кругозор интеллигенции того времени.

Религиозный интерес, конечно, был здесь очень важен. Именно поэтому тщательно переписывались старые болгарские переводы византийских проповедей, делались изредка и их новые русские переводы с греческого. Надо, однако, заметить, что эти переводы удовлетворяли вкусам лишь более образованных верхов общества: византийская риторика была недоступна и ненужна массе. Да и среди общественных верхов и самого духовенства, всей почти интеллигенции

[1]) Голубинский, История русской церкви, I, стр. 711, 712, 721, 723, 190.

того времени, они, вероятно, играли роль заморской диковинки, поражавшей хитростью и выдумкой, тешившей слух и воображение громкой и звучной формой, великолепием и пышностью фразы, иногда, может быть, и малопонятной. Уже по этой переводной религиозной литературе видно, что догматика и экзегетика — богословская философия — пока мало интересовала даже и высшую русскую интеллигенцию. Она и читатели ее переводов главный интерес проявили к нравоучительной религиозной литературе. Этим дано было главное содержание и для оригинального русского творчества в данной области. Правда, здесь делались уже попытки экзегетики, толкования св. писания, но это были отдельные исключения,—они к тому же не являлись и оригинальными, отличались чисто подражательным характером. Немногим более видное место в оригинальном религиозно-литературном творчестве занимали хвалебные слова и проповеди, панегирики XI—XII веков. По форме здесь мы видим то же подражание византийским риторическим образцам, но содержание дано уже реальными условиями русской жизни. Исторический смысл принятия христианства заключался в том, что новая религия организовала расплывавшееся раньше, беспорядочное общество, подчиняла его угрозой кары за грехи и обещанием награды за добродетели княжеской власти, освящала частную земельную собственность. Отсюда вытекала и похвала тому, кто был главным распространителем христианства, организатором распыленного еще, варварского общества, не знавшего долго никакой общественной связи, кроме кровной. Несомненно, эта же реальная потребность создала и нравоучительную оригинальную русскую проповедь. При этом были проповедники, обращавшиеся к знати, к князьям и боярам и украшавшие свои проповеди

всеми средствами и способами, рекомендуемыми византийской риторикой, и были такие, которые говорили простому народу простым, бесхитростным языком [1]).

Но интеллигенция из среды духовенства культивировала не только религиозную литературу, а также и литературу историческую. Она переводила частями, не в полном составе Библию, перевела Историческую Палею — византийскую популяризацию библейской истории, предназначенную для широкой читательской массы, сокращения житий греческих святых, известные у нас под названием Прологов, и некоторые византийские хроники. Эта переводная историческая литература обличает вкусы и тенденции переводчиков: они имеют церковный, религиозный характер; даже хроники выбраны для перевода монашеские, аскетические, проникнутые взглядом, что вся история—результат указующего перста Провидения, его высшей воли. И оригинальная историческая литература XI и XII веков отличалась такой же окраской: она ведь вышла из той же по преимуществу социальной среды. Так, в житиях святых главным было нравственное назидание, а не историческая истина. Писались они большею частью по византийским образцам. Исторический, фактический материал всего сильнее лишь в одном из житий того времени—„Памяти и похвале св. Владимиру“ монаха Иакова [2]). И начальный летописный свод, кто бы ни был его составителем, и был ли он первым

[1]) Голубинский, История русской церкви, I, стр. 706, 813, 814, 819, 843 и след.; Владимиров, Древняя русская литература Киевского периода, стр. 151.

[2]) Владимиров, Древ. рус. литер., стр. 43, 31—37, 193; Ключевский, Древнерусские жития святых как исторический источник; Голубинский, История русской церкви, I, стр. 756—757, 745—746.

на Руси таким сводом или ему предшествовали другие,— все равно,—является, при всей его важности и ценности как исторического источника, проникнутым тем же церковным, религиозно-аскетическим духом.

Историческая—именно летописная—литература XII века важна, однако, еще тем, что указывает на литературно-историческую деятельность также и светских лиц, интеллигенции не из среды духовенства. Так, рассказ о событиях 1146—1156 годов, занесенный в Южно-Русский летописный свод XII века, написан, несомненно, светским человеком, очевидцем и современником, даже участником событий, княжеским дружинником, соратником князя Изяслава Мстиславича. Это видно из того, что, передавая речь Изяслава к его войску в 1151 г., автор говорит: „и рече слово то, якоже и прежде слышахом", т.-е. „мы слышали". Притом все военные события изображены очень ярко и отчетливо [1]). Эта принадлежность автора к особой группе интеллигенции отразилась и на его взглядах: у него династические и местные симпатии, он за отчинность, наследственность княжеской власти; здесь явные зародыши феодальных, удельных воззрений, целой психологии местного, замкнутого мирка, интересов колокольни.

Первенствующее значение духовенства в истории интеллигенции, умственного труда XI и XII веков сказывалось также в естественно-научной литературе, в правоведении и в искусстве.

Литература того времени, касающаяся жизни природы, собственно говоря, не заслуживает названия естественно-научной, так как научности в ней не было ни крупицы.

[1]) Полное собрание русских летописей, т. II, стр. 48.

Она насквозь проникнута религиозными представлениями и об'яснениями. Источниками знаний о природе были тогда два переводных сочинения—„Шестоднев" Иоанна экзарха болгарского, передающий библейское повествование о сотворении мира, и составленная еще в VI в. „Христианская топография" Козьмы Индикоплова, где автор оспаривает шарообразность земли, утверждает, что звезды вращаются ангелами и проч. [1]). Памятником правоведения является „Русская Правда", сборник судебных решений, законодательных постановлений и народных юридических обычаев, не имеющий оффициального происхождения. Существует ряд признаков, свидетельствующих, что составителем этого сборника было лицо духовное или несколько духовных лиц: „Русская Правда" большею частью дошла до нас в окружении памятников византийского права—Эклоги (VIII в.), ее славянской переделки, называемой „Закон судный людям", и Прохирона (IX в.), причем все эти памятники вместе с пространной редакцией Русской Правды нашли себе место в Кормчей книге—славянском переводе церковного византийского законодательства, канонического права Номоканона; затем на содержании Правды отразились правовые понятия духовенства: к числу форм процесса, несомненно существовавших в то время, принадлежало „поле" или судебный поединок; но духовенство не сочувствовало этой форме, и мы напрасно стали бы искать следов ее в Русской Правде; наконец, духовенство, имевшее свои земли и ведавшее поэтому суд по светским делам—гражданским тяжбам и уголовным преступлениям — в пределах своих

[1]) Владимиров, Древ. русск. литер., стр. 46—47.

земельных владений, нуждалось в подобном Русской Правде юридическом сборнике [1]).

Наконец, все почти виды искусства—архитектура, живопись, пение—в XI—XII в. отчасти или вполне развивались под влиянием интеллигенции из духовенства. Относительно архитектуры это можно сказать лишь отчасти: византийский стиль древнейших русских церквей обязан своим происхождением не только влиянию духовенства, но и работе византийских зодчих, не принадлежавших к духовному сословию; к тому же в этой архитектуре были некоторые частности—например, особые пристройки в виде башень, потом исчезнувшие, которые пошли от русского гражданского деревянного зодчества [2]). Но известно, что русские иконописцы тех времен были духовными лицами и писали, совершенно подчиняясь византийским иконописным традициям. Известно также и то, что церковное „демественное" пение принесено было к нам из Греции, оттуда заимствованы были и самые напевы—византийское „изрядное осмогласие" [3]).

Вероятнее всего, духовенством же занесен был в древнюю Русь особый вид литературного творчества, переходный от богословской литературы к литературе изящной, художественной, расчитанной на фантазию, воображение,—именно апокрифы, рассказы о событиях ветхозаветных, которых нет в св. писании.

Зато светская интеллигенция, служившая интересам высших слоев общества и по крайней мере отчасти вышедшая из них самих, создала и художественную литературу,

[1]) Ключевский, Курс русской истории, ч. I.
[2]) Голубинский, История русской церкви, I, 2, стр. 65—66.
[3]) Разумовский, Русское церковное пение.

и устную словесность. Ею были сделаны, вероятно, переводы с греческого таких повестей, как „Александрия", „Троянская война" и другие. Из ее же среды вышло „Слово о полку Игореве"—блестящий памятник дружинного поэтического творчества. Прямое преемство „Слова" от дружинной языческой поэзии не подлежит сомнению не только вследствие прямых указаний самого автора, но и по содержанию и форме самого „Слова": дух приключений, удали, молодечества, отзвуки языческих воззрений, даже анимизма, влияние народной поэзии, например, „заплачек"—в „плаче Ярославны", и отдельных народно-поэтических образов—все это делает „Слово о полку Игореве" произведением чрезвычайно характерным для светской интеллигенции того времени. Былины или „старины" владимирова или киевского цикла вышли также из дружинной среды, подчиняясь частичному влиянию совершавшихся культурно-религиозных перемен.

Таковы были основные новые явления в истории умственного труда XI и XII столетий. Мы должны теперь бросить взгляд на дальнейшие перипетии, пережитые интеллигенцией духовной и светской в удельное время. Интеллигенция удельного времени усваивает типические черты феодальной психологии и феодального мировоззрения. В этом отношении характерны, прежде всего, духовные стихи, авторами которых были калики или странники, монахи, вышедшие, главным образом, из дружинников, бояр. Духовные стихи справедливо сближаются теперь с средневековой поэзией запада Европы—отчасти паломнической, отчасти рыцарской [1]). Характерно далее, что развивались сильно апокрифы, эта поэзия рели-

[1]) Аничков, Язычество и древняя Русь, стр. 193 и сл.

гии, религиозный эпос: даже создания фантазии в феодальном мире носят религиозную оболочку. Местные летописи, не возвышавшиеся дальше интересов местной колокольни, тоже приобретают феодальный колорит,—они служат интересам местных князей удельных и великих. Феодальная поэзия находит себе выражение в таких произведениях XIII века, как „Слово о погибели русской земли" и предания о рязанской княгине Евпраксии и Евпатии Коловрате. Словом, русское духовное творчество XIII века не менее типично-феодальное, чем творчество западно-европейских стран. И духовная и светская интеллигенция того времени заплатила дань духу своей эпохи.

Муниципальная форма феодализма, представленная русскими вольными городами, открывала больше простора культурному, интеллигентному творчеству уже в том же XIII веке. Здесь интеллигенция оказывается поэтому подчас гораздо демократичнее, чем в остальной части удельной России. Это сказывается прежде всего в народной поэзии, в былинном творчестве. Уже былина о Садке-богатом госте вскрывает перед нами индивидуалистическую психологию купечества: жажду роскоши, богатства, роскошной обстановки, эстетизм, искание новых впечатлений, разнообразия, приключений. Былины о Васильe Буслаевиче, отражая первоначальную буйность, беспорядочность, хаотический конкретизм, вместе с тем звучат и неверием, атеизмом, отказом от всех прежних, установившихся традиций. Наконец, максимальный демократизм отличает былину о Микуле Селяниновиче, в которой старый дружинный быт и его олицетворение—Вольга, отзвук древнего Олега [1]),—оказывается посрамленным и бес-

[1]) В. Миллер, Очерки русской народной словесности, стр. 168.

сильным сравнительно с новым земледельческим бытом и новым крестьянином-землеробом.

Поэзия былин или „старин", как их называет народ, была чисто светской, не церковной, не религиозной. Она вышла, следовательно, из кругов не духовной, а светской и притом демократической по составу и психологии интеллигенции. Этот светский и в значительной также мере демократический характер составляет вообще отличительную черту интеллигенции вольных городов. Свидетельствует об этом также и новгородское летописание. В нем на первом плане всегда политический и общественный, светский интерес. Часто проглядывают демократические симпатии и убеждения летописателей. „Меньшие" противополагаются „пятним", и намерения „вятших" характеризуются иногда, как „совет зол", а дело „меньших" именуется „правдой новгородской". „Старейшинам" ставится в упрек, что „не бе в Новегороде правде и суда" [1]).

Почти весь XIV век и уже действительно весь целиком XV — время, когда началось и продолжалось постепенное разложение, падение феодализма в России в обеих его формах — обычной и муниципальной. И, как всегда и везде бывало, этот процесс оживил и отчасти также демократизировал интеллигенцию. И оживление и демократизация вместе выразились прежде всего в еретических учениях. Стригольники, жидовствующие в XIV и XV веках, Матвей Башкин, Феодосий Косой в XVI — вот важнейшие проявления еретических движений. У стригольников „нетовщина" — это отрицание традиции, обычное для отчаявшихся в церкви масс, видящих в ней организацию, защищающую тягостный

[1]) Новг. 1 и 4 лет. под 6763 г.; 4 лет. под 6954 г.

для них существующий строй,—сочеталась с мистицизмом. Демократизм доведен был до последних пределов у Феодосия Косого: он отрицал собственность, власть и государство, войну, высказывался за коммунистический идеал общности имуществ. Жидовствующие и Башкин были умереннее: они отражали в своих воззрениях вкусы, интересы и потребности буржуазии и дворянства, были представителями рационалистического сектантства, критиковали религиозную и общественную традицию с точки зрения разума.

Но народные массы дали и другие религиозные течения, не сходившие с почвы традиции в религиозной философии, но углубившие религиозное чувство и очищавшие мораль. Если жидовствующих, Башкина, стригольников и Косого можно признать соответствующими вальденсам, катарам, арнольдистам, лоллардам и другим сектам европейского средневековья, то параллелью св. Франциску Ассизскому являлся у нас Нил Сорский. Нищенство и труд, отказ от богатства и собственности, отречение от крайностей аскетизма, углубленное понимание религии и морали — „мысленное делание, сердечное и умное хранение“—вот завет этого выходца из народа, из крестьянской массы. Значение его и его последователей—„заволжских старцев“ заключается, как известно, не только в их умственных и нравственных приобретениях и в борьбе с обмирщением господствующей церкви и с инквизицией того времени, строго каравшей еретиков, но и в прямом их влиянии на развитие народного труда и хозяйства: „заволжские старцы“ колонизовали северные „дебри непроходимые и дрязги великие“. Интеллигенция из среды удельного княжья, не мирившегося с утратой былой власти, „высокоумничавшая“, умело воспользовалась в лице князя Василия Патрикеева—монаха Васпана движением заволж-

ских старцев для защиты своих социальных интересов и связанных с ними феодальных политических идеалов.

Интеллигенция XIV и XV веков дала таких же демократических представителей и в области искусства: новгородский живописец XIV в. Дионисий и московский XV столетия Андрей Рублев были тем же, чем фра Беато Анжелико в Италии: глубокими мистиками, со светлым, ясным и чистым отношением к жизни, изящными выразителями высшей красоты. Они соответствовали Нилу Сорскому.

Новым было, наконец и стремление передовой интеллигенции того времени к более серьезному, чем прежде, знанию. Оно выразилось и в „Азбуковниках"—толковых словарях непонятных слов, превратившихся скоро в настоящие энциклопедии знаний о природе, и в переводах греческих и латинских сочинений по естествознанию, и, наконец, в статьях по естественным наукам и по обществоведению в разных сборниках, особенно в так-называемых „Пчелах" [1]).

Но мало того, что демократически настроенная часть интеллигенции XIV—XV веков внесла в историю умственного труда много новшеств,—даже и другая группа интеллигенции, близкая к правящим классам, защищавшая их интересы, пошла вперед, оказалась во власти новых веяний. Это потому, что на место старых господствовавших классов выдвигались разложением феодального хозяйства и общества новые—и прежде всего дворянство, враг старого боярства, феодальной аристократии. Иосиф Санин, основатель Волоколамского монастыря, вождь целой партии иосифлян, жестокий преследо-

[1]) Соболевский, Переводная литература Московской Руси XIV—XV веков. (СПБ. 1903), стр. 14, 41; Семенов, Древняя русская Пчела: „Сборник отделения русского языка и словесности Академии Наук", т. 54-й.

ватель еретиков, стоял в сущности сознательно, об'ективно на старой, феодальной точке зрения. Он защищал интересы церковного феодализма и потому отстаивал церковное и монастырское землевладение. Он видел главную задачу монастырей в подготовке князей церкви из среды феодальной аристократии. Выше всего он ставил власть духовную и подчинял ей и церкви светскую власть и государство. Он, наконец, сковывал мысль: из его школы вышло изречение: „всем страстем мати мнение, мнение второе падение". Но при всем том ему житейски пришлось в защиту своих властных притязаний опереться на „собирателей" Руси, великих князей московских, а его последователи, в особенности монах псковского Елеазарова монастыря Филофей, явились прямыми идеологами московского единодержавия и православия, проповедниками идеи московского царства как хранителя православия в мире, Москвы как третьего Рима, который никогда не падет, т.-е. не феодальной уже, а дворянской политической идеологии [1]).

Что было ярче по феодальному своему характеру, чем власть московского митрополита? И, однако, высшие иерархи русской церкви в XV в. полагают начало об'единению русского феодального летописания, содействуют появлению общерусских летописных сводов [2]), отражают об'единительные, „собирательные" стремления Москвы.

Наконец, и в художественной литературе заметны новшества. Они невелики еще, но характерны, как признак новых вкусов и потребностей: в них сказывается жажда

[1]) Малинин, Послания старца псковского Елизарова монастыря Филофея.

[2]) Шахматов, Общерусские летописные своды XIV и XV веков: „Жур. Мин. Нар. Просв." за 1900 г., №№ 9 и 11.

новых и богатых впечатлений, фантастичность, сложность и занимательность завязки, фабулы. Растет и крепнет дух индивидуализации. Отсюда вышли и вторая редакция „Александрии", романа об Александре Великом, богатая фантастическими подробностями, и столь же фантастические по сюжету повести об Индейском царстве и о Соломоне, и повесть о Дракуле [1]).

И в истории труда физического и умственного с VI по XV век—на протяжении целого тысячелетия—мы наблюдали крупные перемены, многие новшества, друг друга сменявшие. И это несмотря на то, что в общем и целом сохранялся при всей глубине внутренних частичных изменений натурально-хозяйственный тип экономических, социальных и политических отношений и культурных связей и достижений. В дальнейшем процесс пошел еще быстрее и гораздо сложнее.

[1]) Пыпин, Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских (СПБ. 1857), особ. стр. 45 и след. 89, 111—117, 215.

XI.

Переход к торговому капитализму.

В предшествующем изложении освещено положение труда в России в докапиталистическое время. Во второй половине XVI в. занимается заря русского капитализма в форме зачаточной в развитии капитализма в каждой стране,—именно в форме торгового капитализма. Переход к торговому капитализму был огромной экономической революцией, сопровождавшейся глубокими переменами в социальном строе, следовательно и в положении труда.

Хозяйственный переворот, переход к торговому капитализму, образование обширного национального и международного рынка совершились в России тремя последовательными этапами: первый обнимает собою вторую половину XVI в., второй—первую половину XVII в., третий относится ко второй половине XVII и первой четверти XVIII в. Обозначая иначе эти этапы, можно сказать, что первый из них—эпоха Ивана Грозного, второй—Смута и ее последствия, третий—реформа Петра Великого с ее подготовкой.

При Иване Грозном проблема была поставлена и сделаны были первые шаги к ее разрешению. Признаки этого сказались в разных проявлениях хозяйственной жизни.

Прежде всего выросла обширная торговля продуктами сельского хозяйства—земледелия и скотоводства. Новгород

и Псков с их областями торговали и на внутреннем и на внешнем рынке льном, пенькой, кожами, салом [1]). Прасолы — скупщики скота и других товаров попадаются нередко в источниках того времени [2]). Множество местных торжков, рынков, ярмарок возникло по всей стране. Торговали на 150, 200, 300, 500 и более верст [3]). Затем, в обрабатывающей промышленности образовались крупные кустарные гнезда, которые не могли бы существовать, если бы не обслуживали обширного рынка: когда мы встречаем во Владимирском уезде целых 14 сплошь лежащих деревень бочаров [4]), в Новгородском крае в одном селе 11 дворов гончаров [5]) или 18 дворов колесных мастеров [6]), то становится совершенно ясным, что эти бочары, гончары, колесные мастера работали не на местный сбыт, тем более не для собственного потребления, а через посредство скупщиков для торгового капитала, обслуживали обширный национальный рынок. Производство оставалось мелким, но обмен перешел в руки капитала, что и означает переход к торговому капитализму: торговый капитал подчинил своему влиянию производство.

Нет недостатка и в указаниях на образование международного рынка: с 50-х годов начинается через Белое

---

[1]) Середонин, Известия англичан о России: „Чт. Общ. Истории и Древн. Росс." за 1884 г., кн. IV, стр. 2; Флетчер, О государстве русском, стр. 6, 7, 9.

[2]) Румянцевский Музей, рукописи Ундольского, № 273, л.л. 21 об.—22; Писцовые книги Моск. го с., I, II, стр. 24; Чечулин, Города Моск. гос. в XVI в.

[3]) Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в.

[4]) Моск. арх. мин. юст., грам. кол. Экон., № 1807.

[5]) Моск. арх. мин. юст., писц. кн. 972, л. 101.

[6]) Там же, писц. кн. 957, л.л. 1266 об.—1267.

море торговля с Англией [1]); ярмарка в пригороде Пскова—Острове посредничала в торговле Руси с Литвой и Ливонией [2]); в Москву приезжали купцы из Турции (греки), Татарии, Персии, Туркмении, Кабарды, Грузии, Бухары [3]); появились торговые книги—нечто вроде бюллетеней о ценах на русские товары на мировом рынке—в Нидерландах, Англии, Франции и даже в Испании [4]).

Еще важнее косвенные признаки торжества торгового капитализма—превращение натуральных оброков и повинностей крестьян землевладельцам и натуральных государственных повинностей в денежные платежи [5]). Это было бы невозможно, если бы массы населения не имели денег, т.-е. не были бы связаны с рынком, не работали бы для сбыта, для торговли. Наконец, уменьшение цены денег вчетверо в течение XVI в. [6]) также указывает на переход к торговому капитализму и именно на связи с мировым рынком: ведь в то время и во всей Европе деньги упали в цене в четыре с половиною раза, впятеро и вшестеро.

Первый момент описываемой экономической революции создал огромное потрясение, привел к глубокому кризису, вызвал страшное столкновение старых и новых социальных сил, известное под названием Смуты или Смутного времени, довершившее кризис. Но к 40-м годам XVII в., вследствие победы дворянства и посадских людей гибельное влияние кризиса было уже сглажено [7]), начало строиться новое хо-

[1]) Гамель, Англичане в России; Любименко, История торговых сношений России с Англией, вып. 1.
[2]) Моск. арх. мин. юст., писц. кн. 827, л. 946 об.
[3]) Довнар-Запольский, Торговля и промышл. Москвы, стр. 6.
[4]) Временник общ. ист. и древн., кн. 8, смесь, стр. 3—6.
[5]) Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в XVI в., стр. 235—241.
[6]) Там же, стр. 202—211.
[7]) Готье, Замосковный край в XVII в.

зяйство дворянства и крупной торговой буржуазии („гостей"), стали слагаться первые прочные фабрики и заводы, появились дворянские имения нового типа, работавшие на рынок [1]). Таков был второй этап хозяйственного переворота.

Третий этап — петровская реформа — ознаменовался, как известно, образованием русской мануфактурной индустрии именно на плечах и на средства торгового капитализма [2]), и расцветом меркантилизма в России - экономической теории и политики, ярко выражавших сущность торгово-капиталистических отношений. Но и этот третий этап обошелся дорого: он повел к новому разорению страны, к убыли коренного населения, к тяжкому кризису [3]).

Во всех странах описанная экономическая революция имела место. Но нигде она не встречала таких трудностей, не вызывала таких глубоких и разрушительных потрясений, как в России. Причина этого понятна из предшествующего нашего изложения: везде почти, особенно в странах Западной Европы, переход к торговому капитализму был подготовлен тем, что в эпоху феодализма хозяйство уже было товарным, денежным, хотя и расчитанным на узкий местный рынок, тогда как в удельной России феодализм остался недоразвитым именно по той причине, что хозяйство продолжало быть натуральным. Перелом был в России слишком резким, и потому он сопровождался весьма оригинальными, сравнительно с Западной Европой, переменами в положении труда.

---

[1]) Забелин, Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве; Заозерский, Царь Алексей Мих. в своем хоз.

[2]) Туган-Барановский, Русская фабрика, т. I.

[3]) Милюков, Госуд. хоз. России в перв. четв. XVIII в.

XII.

Положение труда между половиной XVI и концом первой четверти XVIII в.

Мы видели, в каком положении находились массы трудящегося населения до половины XVI в., до экономической революции. С одной стороны, тогда были рабы—„обельные", „одерноватые", „полные холопы", почти совершенно бесправные, с другой—лица, пользовавшиеся гражданской свободой, правом перехода, хотя и постоянно и постепенно терявшие свои права и свободу, которые с'ужались, сокращались, уменьшались. Все это, как было показано в начале, совершенно соответствовало хозяйственным условиям удельного времени. В Европе было не так, потому что хозяйство было иным: товарное хозяйство с узким рынком привело к прикреплению крестьян к земле.

Но когда в этой же Европе стало разлагаться феодальное хозяйство и начал образовываться торговый капитализм, прикрепление к земле стало недопустимым, хозяйственно-вредным: необходимым становилось передвижение рабочей силы на большие расстояния для нужд национального и международного рынка. С переходом к торговому капитализму это стало тем более настоятельным. Достигнуть этого

можно было двумя путями: или прикреплением крестьянина уже не к земле, а к личности землевладельца, так, чтобы последний собственным произволением непосредственно или путем продажи оторванного от земли крестьянина мог его передвигать или перебрасывать в районы, где ощущалась нужда в рабочих руках; или освобождением крестьян от крепостного права полным или частичным, с предоставлением им самим возможности свободно перемещаться из одной части страны в другие и даже из одной страны в другую. Землевладельцы, естественно, сначала попытались сделать первое, но потерпели неудачу: восстание Уота Тайлера в конце XIV в. в Англии и французская жакерия пятидесятых годов того же столетия, хотя и были подавлены, но в конечном счете повели к отказу от ультра-крепостнических попыток. Оставался второй исход — освобождение. Он и осуществился в разных формах и степенях к XVI веку в западно-европейских странах.

Эти возможности, казалось, должны были встать и перед русским торговым капитализмом второй половины XVI в., в первый этап его успехов. Но именно сейчас нами доказанная конкретным фактическим материалом резкость перехода прямо от натурального хозяйства к торговому капитализму исключила в России возможность сохранения свободы крестьянства: крестьянин-массовик не в силах был самостоятельно справиться с переходом на новые хозяйственные условия; чтобы приспособляться к рынку, он нуждался в экономической поддержке со стороны землевладельца, а эту поддержку он получал сначала путем физического закрепощения, причем это закрепощение было прикреплением не к земле, а к личности землевладельца: прикрепление к земле имеет смысл лишь при узком рынке, при рынке же национальном

и международном оно вредно, недопустимо, ничем не оправдывается.

Можно и даже должно считать прочно установленным тот факт, что к концу XVI в. право перехода крестьян, юридически сохранившееся (не отмененное), фактически замерло вследствие неоплатной задолженности крестьян и невозможности для них уплатить „пожилое“ или „похоромное“, плату за пользование двором и постройками, во дворе находившимися. Это право в лучшем случае выродилось в уродливые, болезненные формы—крестьянского побега и крестьянского вывоза, которые правительством в конце XVI и начале XVII в. преследовались, пресекались и устранялись из жизненной практики, так что и эта незаконная отдушина закрывалась, и создавалась уже тогда фактическая крепостная атмосфера [1]).

Но процесс закрепощения свободного трудящегося населения сопровождался и другим, встречным процессом обратного характера,—процессом ослабления полного холопства, рабства.

Это видно прежде всего из того, что на деле и по юридическим актам полные холопы в XVII в. уже переставали быть неправомочными, бесправными. Они пользовались на деле землей, обрабатывали ее, приобретали своим трудом имущество. Поэтому возникло понятие о собственности, принадлежавшей несвободному человеку. Отсюда стали возможны сделки, заключавшиеся с холопами даже их собственными господами; напр., есть данные о займах, делавшихся холопами у господ, причем в обеспечение займа холоп, как и любой свободный человек, давал „запись“; бывали также

[1]) Ключевский, Происхождение крепостного права в России.

случаи, когда холоп, не выходя на волю, получал от господина землю и владел ею на праве полной собственности [1]).

Этому соответствовало и появление новых форм полурабства—холопства кабального и докладного.

Кабальные отношения возникали из займа, сопровождавшегося обязательством должника кредитору „за рост служити по вся дни во дворе", работать на него за проценты. Эти отношения находили себе выражение в особом акте—„служилой кабале" или „кабале за рост служити". Но кабальные люди, как и задолжавшие крестьяне, вследствие перехода к товарному хозяйству, повысившего потребность в деньгах, и под влиянием кризиса, затруднившего расплату разорением, оказывались почти всегда несостоятельными должниками, что грозило сделать их наследственно-работающими и детям кредитора, т.-е. приблизить их к состоянию полного холопства. Поэтому изданы были два указа—1586 и 1597 годов,—по которым кабальные люди превращались в кабальных холопов, потому что лишались права уплачивать кредитору долг при его жизни, но за то холопство их было временным, ненаследственным: по смерти кредитора они выходили на волю без уплаты долга [2]).

Промежуточным между кабальным, временным холопством и смягченным уже полным холопством было холопство докладное. Это было холопство специальное, возникавшее от того, что человек „дался на ключ, а по ключу и в холопы", т.-е. продался в специальные холопы, — в ключники или

---

[1]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства в России, „Русск. Мысль" за 1886 г., № 9, стр. 82, 83.

[2]) Там же; Павлов-Сильванский, Люди кабальные и докладные.

приказчики [1]). Это холопство было наследственным [2]). Но, во-первых, тут прямо ограничивалась воля господина—он не мог лишать докладного холопа его специального назначения, приказчичьей службы; во-вторых, эта специальная служба составляла для него положение фактически лучшее, чем положение рядового полного холопа: ключник или приказчик принадлежал к числу „больших" слуг своего господина, был его довереннным лицом, ближайшим помощником, иногда почти другом [3]).

Чем вызваны были эти ограничения и смягчения холопства, такое сближение его с крепостничеством? Тем же, чем и фактическое крепостничество крестьян: стремлением дворянства, одного из новых торгово-капиталистических классов, обеспечить себя рабочей силой, помешать богатой феодальной аристократии, боярству, монополизировать эту рабочую силу, всю ее прибрать к своим рукам путем полного холопства и путем приема беглых крестьян и крестьянского вывоза. Интересы нового класса, завоевывавшего себе господство, пробиваются здесь с полною ясностью. Навстречу их удовлетворению идет и нужда крестьян в ссуде, подмоге, займе, неоплатная их задолженность, потребность приспособить крестьянское хозяйство к условиям торгово-капиталистической действительности.

Тяжесть экономического положения крестьян, заставлявшая большинство из них подчиняться надвигавшемуся крепостничеству, заключалась в росте барщины и барской запашки, в переводе натуральных сборов в денежные, главным же образом в весьма значительном уменьшении к концу XVI в.

[1]) Там же.

[2]) Там же.

[3]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства.

размеров крестьянской запашки на двор. Многие крестьяне — те, кто привык покорно нести бремя нужды и тяжкий труд, — смиренно склонялись перед действительностью. Но не все были таковы.

Более активные элементы крестьянства и холопства реагировали во второй момент переворота — в XVII в. — на создавшееся положение восстаниями. Таких восстаний было два — одно под начальством Болотникова, другое под предводительством Разина. Оба замечательны как яркое выражение тех стремлений и идеалов, которые были тогда свойственны более активному элементу в крестьянской среде. Эти стремления и идеалы носили не прогрессивный, а реакционный характер, направлены были не вперед, а назад: золотое царство справедливости и равенства видели в прошлом, когда земля была вольная, когда вече и выборные князья правили страной. Действительность, существовавшая в первый период русской истории, идеализировалась и отображалась в казачестве, которое, мнилось, возрождало старинный золотой век. Такие реакционные об'ективно стремления неизбежно должны были повести к поражению. В результате господа положения — дворяне — юридически закрепили во второй момент революции фактически сложившееся закрепощение в Уложении 1649 года.

XVII век привел и к сильнейшему увеличению податного бремени, лежавшего на трудящихся массах: где прежде платились самое большее десятки рублей с окладных единиц, там теперь стали платить сотни, чуть не тысячи.

Намеченные сейчас процессы изменения в положении труда нашли себе полное и последовательное завершение при Петре Великом в его реформе: введение подушной подати не только еще увеличило тяжесть обложения трудящихся масс населения государственными податями, но, распространив подушное

обложение не только на крестьянство, а также и на холопство, тем самым окончательно уничтожило холопство и слило крестьян и холопов в единое целое—крепостное и податное крестьянство; закон 1721 г. о так-называемых поссессионных крестьянах, приписанных к фабрикам в качестве прикрепленных к этим фабрикам и не могущих быть отчуждаемыми без них, распространил крепостной труд и на индустрию, обрабатывающую промышленность, на те именно промышленные предприятия, которыми владели не дворяне. На дворянских фабриках господствовал труд не поссессионных крестьян, прикрепленных специально к фабрикам, а чисто-крепостных, крепких личности их владельцев.

Крепостничество—вот то новое, что создал таким образом в истории труда в России капитализм в первой форме его исторического развития—в форме торгового капитализма.

XIII.

Труд в эпоху полного развития торгового капитализма или крепостного хозяйства.

Последние три четверти XVIII века, после Петра Великаго, и самое начало XIX столетия — эпоха полного развития торгового капитализма в России, которая может быть также с другой точки зрения характеризована и названа эпохой высшего расцвета крепостного хозяйства.

В области индустрии то было время господства дворянской фабрики, крепостной мануфактуры [1]) и вместе возраставшей под эгидой крепостничества деревенской кустарной промышленности [2]), которая в значительной части была связана с мануфактурой того времени и в своем происхождении и в экономических взаимоотношениях. И то и другое, хорошо раз'ясненное Туган-Барановским, сводится к следующему: крепостная и поссессионная мануфактура XVIII в., будучи технически не выше кустарной промышленности, не могла с нею конкурировать, почему мануфактурные предприятия того времени были непрочны и погибали очень скоро после возникновения; держались некоторое время только те из них, которые насаждали в России несуществовавшие раньше отрасли производства, и держались

[1]) Туган-Барановский, Русская фабрика.
[2]) Корсак, О формах промышленности.

до тех пор, пока крестьянское население, находившее на них заработки, не обучилось новому делу и не развивало его у себя в кустарных избах, которые своей конкуренцией побивали затем мануфактуру: с другой стороны, и длительно существовавшие мануфактуры были экономически связаны с кустарной промышленостью: кустари выделывали для них пряжу, вообще полуфабрикаты, а мануфактурам оставалась. выпадала на долю лишь окончательная выделка и отделка товара. Известно, напр., как много в этом отношении значила для мануфактурной промышленности села Иванова, Шуйского уезда, Владимирской губ. (ныне город Иваново-Вознесенск) местная кустарная производительность: подчас весь полуфабрикат или $^9/_{10}$ его выделывались кустарями, а мануфактура производила лишь окончательную набойку миткаля и ситца. И это — только наиболее выпуклый, далеко не единственный и не исключительный пример.

Труд на мануфактурах XVIII в. был крепостной или посессионный. В том и в другом случае он эксплоатировался грубо, хищнически и вызывал нередко более или менее значительные волнения крепостных и посессионных рабочих.

Не менее грубо эксплоатировался и труд крестьян-кустарей. И кустари-одиночки, работавшие прямо на скупщика или помещика, и кустари, являвшиеся подсобными работниками на мануфактуру, подвергались всем тем бедствиям, которые органически связаны с торгово-капиталистической системой так-называемой „домашней индустрии" (Hausindustrie), когда торговый, отчасти и мануфактурный капитал снабжает производителей-кустарей в долг за ростовщические на деле проценты сырьем и орудиями труда осенью, а весной собирает готовый продукт в уплату долга

с лихвой, с колоссальным барышом. Если к этому прибавить поборы помещиков с кустарей, то картина грубой эксплоатации кустарного труда будет цельной.

Особое юридически, но фактически — близкое к положению поссессионных рабочих состояние, представляли собою так-называемые „приписные" крестьяне и рабочие, т.-е. государственные крестьяне, которые приписывались к казенным фабрикам и заводам, и так как эти фабрики и заводы сплошь и рядом сдавались в аренду отдельным лицам, то на деле приписные крестьяне эксплоатировались точно так же, как поссессионные рабочие [1]). Классической областью такого приписного крестьянства был в XVIII в. Урал с его казенными горными заводами. Положение приписных рабочих уральских горных заводов, их отношения к заводовладельцам и арендаторам, а также к земле некоторые исследователи [2]) прямо сближали и отожествляли с положением поссессионных рабочих. Это положение было весьма тяжело. И недаром великое народное движение XVIII века, направленное против крепостничества, но одушевлявшееся планом положительного строительства в старом примитивном казацком духе,—Пугачевщина—считало уральских рабочих видным элементом в своей среде [3]). Справедливо указывается [4]), что уральские рабочие составляли наиболее активный и выдержанный элемент во всем пугачевском движении и, что только тогда это движение и пошло на убыль, когда правительственные войска были направлены

[1]) Семевский, Очерки из истории приписных крестьян; его же, Крестьяне в царств. Екатерины II.
[2]) Удинцев, Поссессионное право.
[3]) Дубровин, Пугачев и его сообщники.
[4]) Покровский, Рус. история с древн. времен.

на Урал и таким образом пресекли возможность питания пугачевской армии уральскими рабочими элементами.

На-ряду со всеми этими разрядами индустриальных рабочих, городских и деревенских, мануфактурных, заводских и кустарных, в городах было некоторое количество ремесленных рабочих, организованных согласно „Ремесленному уставу“, входившему как часть в состав „Жалованной грамоты городам“, данной Екатериной II в 1785 году. Этот екатерининский устав — типичное детище крепостной торгово-капиталистической эпохи и может быть поставлен в один ряд с ремесленным уставом английской королевы Елизаветы XVI в. Подмастерья и ученики входили составным элементом в семью хозяина, мастера имели квартиру и общий с ним стол. Все это создавало для рабочих патриархальные отношения, несколько прикрывавшие ту фактическую эксплоатацию чужого труда хозяевами, которая так обнаженно проступает позднее, в эпоху настоящего промышленного капитализма. Цеховое устройство английской королевы и русской императрицы не были конечно, средневековым, феодальным, обеспечивавшим сбыт на местный узкий рынок, оно не доходило поэтому до виртуозных тонкостей регламентации, — но вся власть в органах цехового управления фактически была у хозяев-мастеров, подмастерья были в полукрепостническом состоянии, а ученики являлись крепостными уже вполне, совершенно безоговорочно, хотя и временно, — до перехода в подмастерья. Хозяйская юстиция и полиция простирались в значительной степени на подмастерьев и уже вполне на учеников.

У крупных и средних бар-помещиков были свои крепостные ремесленники, которые и отбывали своеобразную ремесленную барщину, являясь обыкновенно „месячниками“,

т.-е. получая месячину, содержание от господ. Их положение фактически мало чем отличалось от положения крепостных крестьян-земледельцев, притом те из них, которые являлись наиболее обездоленными, превращены были в несвободных рабочих плантационных владельческих хозяйств, не имея своих земельных участков и отдавая все свое рабочее время в распоряжение помещиков.

Таких крестьян-месячников было в XVIII веке, впрочем, сравнительно немного. Типична для того времени не плантационная система, а система крепостного барщинного труда с земельным наделом барщинного крестьянина. Мы имеем довольно яркий цифровой материал, характеризующий крепостную земледельческую барщину XVIII века [1]), и напрасно-заподозриваемый и дискредитируемый некоторыми исследователями [2]).

Если взять деление в XVIII в., ставшее реальностью,— именно деление России на две экономические полосы— северную промышленную и южную земледельческую, то окажется, что крепостная барщина господствовала на юге и была почти в равновесии с оброком: в южной земледельческой полосе в среднем 74%, почти $^3/_4$, всех крепостных крестьян сидели при Екатерине II на барщине, тогда как процент барщинных крестьян на севере и в центре доходил только до 45%, т.-е. здесь на барщине сидели меньше половины крестьян, а на оброке несколько более половины. Но конкретные данные по отдельным губерниям были еще красноречивее этих суммарных, средних цифр. Так, в черноземной земледельческой полосе были губернии—и их было не мало,—где $^9/_{10}$ и даже почти все крепостное население

[1]) Семевский, Крестьяне в царств. Екатерины II.
[2]) Струве, Крепостное хозяйство в России.

сидели на барщине: там была острая нужда в рабочих руках. Но даже и в промышленном центре нередко процент барщинных крепостных был высок. Правда, в Ярославской губ. он понижался до 22-х, но уже во Владимирской 50% всех крепостных сидели на барщине, в Московской барщинные крестьяне составляли 64%, почти две трети, и в Тверской их было более трех четвертей всего крестьянского населения.

Как тяжел и продолжителен был барщинный труд XVIII в.? Ответ на этот вопрос дают свидетельства современников и известный указ императора Павла I 1797 г. о трехдневной барщине: барщина отнимала у крестьян обычно три дня в неделю, т.-е. половину всего рабочего времени, если не считать воскресенья. Конечно, это было тяжело, но бывало и хуже: иногда барщина отнимала, если не считать даже упомянутых выше крестьян-месячников,— четыре и даже пять дней в неделю, причем мелкопоместные дворяне больше злоупотребляли барщиной, чем дворяне, богатые землей. С другой стороны, встречались помещичьи имения, где применялась барщина более легкая, чем обычная трехдневная; иногда крестьяне работали на помещика только два дня в неделю. Это, в особенности, нередко встречалось в Малороссии, на Украине, на которую крепостное право, кстати сказать, распространилось формально именно при Екатерине II, в 1783 г. Для таких крестьян, находившихся на льготном положении, павловский указ о трехдневной барщине был злом, ухудшавшим их положение. Впрочем, хорошо известно, что этот указ вообще не исполнялся и, что, несмотря на его издание, попрежнему применялась более продолжительная, чем он устанавливал, барщина.

Известно, что кроме крестьян помещичьих, крепостных отдельных дворян, были в конце XVIII в. еще крестьяне: государевы, кабинетские, находившиеся в ведении императорского кабинета, т.-е. в частной собственности императора; удельные, т.-е. находившиеся в имениях, доход с которых шел на содержание членов императорской фамилии, и государственные, жившие на государственной земле и считавшиеся крепостными государства. Кабинетские и удельные крестьяне и имения появились с Павла I, после издания им „Учреждения об императорской фамилии". Основной фонд их раньше составляли крестьяне и земли государевы и дворцовые. Государственные земли и крестьяне — это бывшие черные земли и черные люди. Каково же было положение труда на этих видах земельного владения и при этих формах крепостного состояния?

Оно имело много общего с положением крепостного труда в помещичьих имениях, только с одним исключением: барщины здесь было меньше, особенно, на государственных землях. Но она все-таки в XVIII в. и здесь существовала: ее уничтожил только Киселев в 30-х годах XIX в. Приказчики и управляющие практиковали ее не только в пользу казны, уделов и кабинета, но и в свою собственную пользу. Притом же, значительная часть государственных земель и крестьян и в XVIII в. и особенно в XIX в. сдавались в аренду и эксплоатировались арендаторами также крепостнически, сплошь и рядом, с применением барщины, как это делалось и помещикам и на их собственных землях. Наконец, XVIII в. — эпоха расхищения государственных земель с сидящими на них государственными крестьянами: Екатерина и Павел роздали путем пожалования свыше 2-х миллионов душ государственных крестьян в помещичьи руки.

Вся эта гнетущая крепостная атмосфера оказывала определяющее влияние и на положение интеллигентского, умственного труда. Прежде всего был интеллигентский крепостной труд в непосредственном и прямом смысле этого слова: были не только крепостные ремесленники, но и крепостные артисты, художники, музыканты, певцы, учителя, врачи и даже ученые и инженеры. Их положение часто было очень тяжело и трагично. Расширение умственного горизонта, усвоение культурных привычек, чувство собственного достоинства вступало в резкий конфликт с бесправным крепостным положением и очень часто дело разрешалось трагической развязкой, самоубийством или убийством угнетателей со всеми уголовными последствиями последнего для лица, его совершившего.

Но немногим лучше в барски-крепостнической атмосфере было и положение не крепостных, свободных интеллигентов, художников, ученых, артистов. Интеллигент XVIII в. должен был угождать „милостивцам", „вельможам" и вообще „господам" и „благородным". Искусство тогда, по выражению Державина, ценили, „как летом вкусный лимонад", оно было приятно, как сладкое питье, а наука рассматривалась как рассказ о вещах „куриозных", т.-е. возбуждавших любопытство, тоже как бы забавлявших, почему в ней обращали на себя внимание уродства, исключения, раритеты. Недаром кунсткамера Петра Великого представляла собою именно такое собрание „куриозных" редкостей. От поэта XVIII века требовали льстивых стихов, от художника — прикрашенных льстивых портретов, от ученого почтительнейших посвящений и занимательных „куриозов". Их иногда приглашали к столу, и барин-диллетант удостаивал их покровительственного разговора. Но при случае не стеснялись по-

ступать так, как поступил Волынский с Тредьяковским, академиком и „профессором элоквенции“,—побить палкой. Материальное положение ученых и вообще интеллигентов было очень незавидное, почти жалкое. И идейное их значение большею частью было ничтожно: они служили господам положения, вот и все. Даже морального утешения и самоудовлетворения было мало. Величайший и даже безотносительно к тому времени великий ученый XVIII в. Ломоносов, замечательный химик и физик, сам—не за страх, а за совесть—восхвалял сильных мира сего.

Конец XVIII в. и в отношении интеллигентного труда подарил нас двумя новыми явлениями, первыми настоящими представителями будущей демократической по настроению русской интеллигенции,—речь идет о Новикове и Радищеве.

Новиков не хотел служить господам положения, желал критически отнестись к ним и встать на сторону трудящихся и угнетенных. Эти его тенденции проявились прежде всего в его сатирических журналах. В противоположность „Всякой Всячине“, журналу, вдохновительницей которого была сама Екатерина, и который или просто переводил английского „Спектатора“ или, если и вводил оригинальный материал, то в „улыбательном духе“, т.-е. в крепостнически-барском направлении простой внешней забавы, праздного развлечения, Новиков пытался привить на русской почве общественную сатиру—на легкомысленное, пустое и скоропреходящее, модное „вольтерьянство“, на злоупотребление крепостным правом и проч. Правда, ему скоро пришлось спустить тон и даже совсем прекратить выпуск своих журналов, но его деятельность в этом отношении все же являлась важным историческим прецедентом свободной демократической публицистики в России.

Он этим не ограничился. Он искал новых путей, нового идейного освящения своих чаяний. И он думал найти его в масонстве.

Но масонство Новикова было не теоретическим, а общественно-критическим. Он арендовал университетскую типографию в Москве, открыл книжную лавку, составил особое общество с целью издания и распространения полезных книг и переводов с иностранных языков. То не было служение ходячим, обычным вкусам и потребностям,—здесь преследовалась цель пропаганды и агитации. Новиков издал ряд источников русской истории („Древняя Российская Вивлиофика"), издавал научные и философско-религиозные сочинения, распространял среди читающей публики то, что считал полезным, даже помогал голодающим, когда Россию в 80-х годах XVIII в. постиг неурожай и голод. Все это не прошло ему даром: за связь с масонством, за сношения масонов с Павлом его постигло разорение и потеря свободы. Типография у него была отнята, книжная лавка закрыта, как и „Дружеское общество", книги конфискованы, и сам он попал в Петропавловскую крепость, откуда вышел только при Павле, уже неспособным к работе стариком [1]).

Едва ли не трагичнее была судьба Радищева. В „Путешествии из Петербурга в Москву" и в „Оде на вольность" Радищев резко восстал и против крепостного права и против самодержавия и даже вообще против монархии. Он понял, что нельзя говорить о злоупотреблениях крепостным правом, что крепостное право— одно сплошное и цельное злоупотребление. За это он был приговорен к смертной казни, которую Екатерина заменила тяжелой ссылкой в далекий

[1]) Лонгинов, Новиков и московские мартинисты; Боголюбов, Н. И. Новиков.

Илимск, в Восточной Сибири. Радищев вернулся оттуда по смерти Екатерины с прежними вольнолюбивыми воззрениями, поступил на службу и здесь своими взглядами вызвал недовольство своего начальника графа Завадовского, который напомнил ему о бывшей ссылке и о возможности ее повторения. Это напоминание так на него подействовало, что, вернувшись домой, он кончил жизнь самоубийством.

Так, крестным путем пошли первые шаги демократической интеллигенции в России. Надо, впрочем, заметить, что демократической она тогда была в первых своих проявлениях только по настроению и направлению, а не по происхождению: и Новиков, и Радищев принадлежали к среднему дворянству. Их деятельность служит, таким образом, признаком начинавшегося уже перерождения русского дворянства. Когда начинает изживать себя тот или другой общественный строй, тогда в среде класса, служащего его опорой, появляются признаки разложения и перерождения. Первыми ласточками этого нового в русском дворянстве процесса и были Новиков и Радищев: очевидно, в старом порядке России, достигшем в екатерининское время своего полного господства, апогея, вершины своего развития, стали появляться уже тогда же первые, едва заметные трещины.

Расширение этих трещин сильно отразилось на положении труда в России первой половины XIX в.

XIV.

Эпоха разложения крепостного строя.

П. Б. Струве в своей книге „Крепостное хозяйство в России“ пытается доказать, что в первой половине XIX в. падение крепостного права не было подготовлено экономически, что, напротив, крепостное, в частности, барщинное хозяйство тогда было выгоднее хозяйства вольнонаемного, и что барщина даже сильнее распространялась насчет оброка. Другие исследователи смягчают эту характеристику хозяйства первой половины прошлаго века, но не устраняют ее совершенно, допуская, что в 30-х годах наступила в России крепостническая реакция, вызванная понижением цен на хлеб на европейском рынке.

На самом деле, однако, все эти положения — и в их крайнем, и в смягченном выражении — совершенно не соответствует действительности. Чтобы понять это, стоит только внимательнее присмотреться к относящимся сюда фактам. Приводимые П. Б. Струве данные, относящиеся к некоторым местностям Тверской и Псковской губерний, конца XVIII и начала XIX в. указывают не на рост барщины, а на беспомощные метания помещиков-рутинеров, крепостников, от барщины к оброку и опять к барщине, чтобы спасти шатающееся уже крепостное хозяйство.

Мы имеем затем и прямые указания на уменьшение распространения барщины и на относительный рост оброка

в ряде губерний и нечерноземной и даже черноземной России. Так, во Владимирской губернии к половине XIX в. барщинные крестьяне составляли уже только 30 проц. всех крепостных вместо прежних 50-ти, в Московской — 32 вместо 64-х, в Рязанской — 62 вместо 81. Только в восьми губерниях барщина возросла [1]), но это об'ясняется не большей выгодностью крепостного хозяйства, а тем, что черноземная полоса Европейской России была слабо населена, и там ощущалась острая нужда в рабочей силе, так что вприбавок к крепостному труду здесь практиковался и усиленно применялся также и вольнонаемный труд рабочих, приходивших из Малороссии, Новороссии и других южных губерний, а также и с севера. Фактически, значит, и в этих барщинных, казалось бы, сугубо-крепостнических, губерниях, труд был в значительной степени вольнонаемный, не крепостной.

На подготовку падения крепостных хозяйственных порядков и отношений указывает и ряд фактов применения хозяйственно-технических улучшений в помещичьих имениях. Протоиерей Самборский, будучи руководителем практической школы земледелия в д. Тярлевой, близ Павловска, применял там в 1797 г. семипольный севооборот. Бакунин в той же школе в начале XIX в. и в своем петербургском имении завел пятиполье. Бланкеннагель в 1792 — 1805 г.г. вел травопольное хозяйство с шестипольным, отчасти и в семипольным севооборотом в сельце Дадинкове, Звенигородского уезда, Московской губ. По Ростопчину, в его время многие русские помещики заводили английское земледелие. Такая система существовала в подмосковном имении гр. Ру-

[1]) Игнатович, Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

мянцева „Кагул“ в 1806—1815 г.г. Четырехполье с травосеянием завел в 1807 г. Левашев, а с 1819 г. Самарин в с. Ивашове, Ярославской губ., причем эти нововведения сохранились прочно до нашего времени. В 20-х годах многополье и плодосмен практиковали калужский помещик Полторацкий, тверской — Шелехов, четырехполье существовало у Фрибе, Апраксина, Муравьева; у Давыдова был девятипольный севооборот. В 30-х годах встречаем плодосмен у Голохвастова, Каразина, Соковнина, Титова, у Кушникова в с. Перове, Яросл. губ. Многополье тогда существовало также в гжатском имении Мальцева, а у Миклашевского в Черниговской губ. плодосмен и машины увеличили урожайность на 37%. В 40-х и 50-х годах этот процесс улучшения земледельческой техники продолжался: это мы видим и у петербургского помещика Де-ла-Гарде, и у рязанского — Семенова, и у тульского — Хрущова, который завел молотилку, веялку, сортировку и маслобойку, и у тверского Воробьева, сеявшего клевер и распространявшего и между соседями улучшенные семена нюландской и пенсильванской ржи [1]). Надо при этом заметить, что хотя, конечно, бывали и неудачи, что неизбежно, но в общем новое хозяйство шло успешно, так что здесь нельзя опереться на отдельные примеры неудач.

Нельзя признать правильным и мнение о крепостнической реакции 30-х годов, вызванной падением цен на хлеб на международном рынке. Прежде всего, что такое реакция?

[1]) Вернер, К истории крестьянского травопольного хозяйства: „Хозяин“ за 1901 г., №№ 3 и 4; Бажаев, Крестьянское травопольное хозяйство: „Старина и Новизна“ (о Мальцеве); Герцен, Былое и думы (о Голохвастове); Багалей, Очерки из русской истории (о Каразине); Рожков, статья в „Истории России в XIX в.“, изд. бр. Гранат, в. II (по неизд. источн.).

В данной обстановке это было бы возвращение к положению XVIII в,. попятное движение русского хлебного вывоза сравнительно с 20-ми годами XIX в. Ближайшее знакомство с фактами ничего подобного не дает. По статистическим данным о внешней торговле в России оказывается, что хлеб составлял в 20-х годах XIX в. 7% ценности всего русского вывоза; в 1830 г. он равнялся уже 26% всего вывоза, в 1835 г. опять 7% и потом стал постепенно повышаться, дойдя в 1840 г. до 17% [2]). Итак, в начале 30-х годов вывоз хлеба сильно вырос, и если бы это сохранилось, крепостное хозяйство быстро пало бы, как это и случилось в 40-х и 50-х годах. Но повышение хлебного экспорта в 1830 г. было минутной случайностью. Она исчезла к половине десятилетия, когда дело свелось к возврату не положения XVIII в., а того, что было в 20-х годах — и опять на минуту; потом пошло нарастание постепенное, но неуклонное. Вообще же внешний вывоз хлеба из России 30-х годах был все время невелик, — обычно вывозилось не более 10% урожая, и потому этот вывоз не мог существенно влиять в то время на технику производства и формы хозяйства.

Это видно лучше всего еще и из того, что процесс разложения крепостного хозяйства только в первые двадцать лет XIX в. выразился в одних лишь технических улучшениях, в 30-х же, 40-х и 50-х годах более передовые хозяева-помещики почувствовали острую потребность также и в новых хозяйственных формах. Необходимость этого вытекала из несомненной невыгодности барщинного труда: в Тульской губ. у помещиков при барщине доход

[2]) В. Покровский, Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, Спб., 1902.

был вчетверо меньше, чем при сдаче в аренду; в Московском уезде вольнонаемный труд в 40-х годах давал втрое больший доход, чем труд крепостной; крепостное хозяйство в Рязанской губернии в 40-х годах давало 10% чистого дохода, а вольнонаемное — 20%; в Саратовской губернии купеческие имения, работавшие свободным наемным трудом, давали 57% дохода [1]). Понятно, что применение вольнонаемного труда в передовых помещичьих хозяйствах увеличивалось, причем сначала создавались переходные формы от крепостных к вольнонаемным. Это созидание переходных форм началось в 30-х годах и продолжалось позднее.

Первая из них состояла в том, что барщина не уменьшалась, даже увеличивалась, но крестьянам давалось для собственного их хозяйства гораздо больше земли, чем прежде, и, таким образом, создавалось квалифицированное вознаграждение землей за лучшую обработку пашни; дошедшие до нас примеры этого относятся к Калужской и Ярославской губ. 30-х годов. Вторая переходная форма, имевшая место, напр., в 40-х годах в Московской губ., сводилась к тому, что крепостные сами барщины не отбывали, а нанимали вместо себя свободных рабочих. Третья состояла в обычном в 50-х годах во Владимирской и Черниговской губ. дополнительном найме помещиками свободных рабочих вприбавок к крепостным барщинникам. Наконец, нет недостатка и в указаниях на применение чистого вольнонаемного труда, без всякой примеси барщины. Так было в Нижегородской губ. у Чаадаева, в Рязанской у Александрова, в ряде имений Тамбовской губернии 50-х

[1]) Заблоцкий-Десятовский, Гр. Киселев, т. IV (прилож.); Рожков, История России в XIX в., изд. бр. Гранат, вып. 2-й.

годов, наконец, в Тульской губ. у гр. Бобринского и Хрущова.

Так перед нами в ярких красках рисуется явление первостепенной важности: оказывается, что чем ближе мы подходим к половине XIX в., тем яснее становится, что даже все сколько-нибудь живое в помещичьей среде в той или другой мере перестраивало свое хозяйство на новые, свободные капиталистические формы. Крепостное хозяйство в чистом виде было уделом лишь помещиков - рутинеров, которые в сущности уже разорились, заложили и перезаложили свои имения, вырученные от залога деньги употребили не на улучшение и перестройку хозяйства, а просто их прожили. Такие рутинные хозяйства—их было большинство — могли еще кое-как жить при сохранении устарелых отношений,— новшества и особенно отмена крепостного права, если бы она была проведена последовательно и до конца, должны были их совершенно разрушить.

Таким образом, если даже оставаться лишь в рамках одного помещичьего хозяйства, то придется признать, что к половине XIX в. крепостное право являлось препятствием развитию производительных сил. Класс помещиков-крепостников не только перестал содействовать развитию производительных сил страны, но стал противодействовать этому развитию. Маркс указал, что это является об'ективной причиной смены господства одного класса господством другого [1]).

Такое положение тем более верно, что, препятствуя развитию производительных сил в передовых дворянских хозяйствах, крепостное право уже в начале XIX в. было лишним, хозяйственно неоправдываемым бременем для хозяйства крестьянского. Это видно как из массы больших

[1]) Маркс, Критика политической экономии (предисловие).

крестьянских волнений, число которых в первой половине XIX в. дошло до 556 [1]), так и из прекращения или по крайней мере замедления роста крепостного населения: между 9-й и 10-й ревизиями число крепостных не увеличилось [2]), и даже в 20-х годах крепостное население росло гораздо медленнее всего прочего: между 1815 и 1835 годами ежегодный прирост всего населения составлял 1,4%, а крепостного крестьянства только 0,9%. И, наконец, чтобы исчерпать до конца экономические причины, разлагавшие крепостное хозяйство и крепостное право, надо отметить еще развитие индустрии в России первой половины XIX столетия, причем здесь заслуживает внимания не столько количественный рост фабрик и числа рабочих, сколько новая техника производства и новые его формы, тесно связанные с техникой.

Русская фабрика уже с начала XIX в. стала переходить к машинному производству и паровым двигателям. Впервые это произошло в 1805 г., на хлопчатобумажной фабрике Осовского в Петербурге [3]), и с тех пор с каждым десятилетием и даже каждым годом число фабрик, пользовавшихся паровыми машинами, непрерывно возрастало. Новая фабрика нуждалась и в новых вольных рабочих, способных к квалифицированному труду. И мы наблюдаем в первой половине XIX в. падение дворянских крепостных и поссессионных фабрик и замену их фабриками и заводами, основанными на применении вольнонаемного труда. Дворянские крепостные фабрики еще в 1825 г. составляли 35% числа всех русских фабрик; в 30-х годах процент их понизился до 15, а в 40-х до 5.

[1]) Семевский, Крестьянский вопрос в России, т. II.
[2]) Милюков, Крестьяне („Энцикл. словарь", изд. Брокгауз-Ефрон).
[3]) Лялов, Основные черты социально-экономических отношений при Александре I, стр. 113.

Уже в 1825 г. 54% фабричных рабочих в России работали по вольному найму. В 1840 г. владельцам поссессионных фабрик разрешено было освобождать своих рабочих, и сразу же 103 фабрики—более половины всех поссессионных фабрик—перешли к вольнонаемному труду [1]). Вольнонаемный труд, как мы видели, не особенно редко встречался и прежде. Но теперь, когда крепостное хозяйство стало разлагаться и в земледелии и в индустрии, он становился уже явлением весьма распространенным, предвещавшим приближение настоящего производственного, не торгового уже только, капитализма — сельскохозяйственного и индустриального.

Рост нового вольнонаемного труда и был главнейшей чертой, характеризовавшей положение труда в эпоху разложения крепостного хозяйства. Само собою разумеется, положение вольнонаемных рабочих в то время было тяжелым: они были не организованы, малосознательны, не могли защищать свои интересы сколько-нибудь планомерно, настойчиво и массовым порядком, не единичными усилиями. Волнения и забастовки бывали, но как отдельные исключительные явления, не характерные для того времени, которое имело все черты, типичные для эпохи первоначального накопления, хищнического капитализма на первых ступенях его развития. В то же время продолжалась эксплоатация кустарей скупщиками, торговым капиталом, через посредство старой, обычной домашней индустрии с ее крайней ростовщической эксплоатацией труда.

---

[1]) Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I.

XV.

Отмена крепостного права и первый момент в истории русского капитализма (эпоха Рейтерна).

Крепостное право было формально отменено в России 19 февраля 1861 года, несомненно, под давлением все возраставших крестьянских волнений и под влиянием тех новых хозяйственных явлений, о которых у нас шла речь в предыдущей главе. Но крестьянство не принимало никакого участия в выработке Положения 19 февраля 1861 г., и потому содержание этого законодательного акта сложилось в результате борьбы разных дворянских и бюрократических групп.

В результате при осуществлении реформы получились прежде всего крестьянское малоземелье, черезполосица крестьянских земель с частновладельческими и очень высокие выкупные платежи, к выгоде крепостников и богатых и знатных дворян — крупных земельных собственников; при этом, впрочем, и дворяне-либералы типа тверского губернского предводителя Унковского, мечтавшего о конституции, но видевшего в дворянстве почти единственную культурную силу, которая способна была бы поддержать конституционный строй, и бюрократы-аболиционисты, являвшиеся в то же время сторонниками сохранения самодержавия, вроде Н. А. Милютина, и славянофилы типа Самарина, отстаивавшие

теорию „достаточности надела“ и желавшие сохранения в значительной мере вотчинной юстиции и полиции, волостного суда и розги, — все они не шли дальше сохранения за крестьянами той площади земли, которою последние пользовались при крепостном праве.

Малоземелье выразилось в двух характерных явлениях: в „отрезках“, т.-е. в передаче помещикам по крайней мере пятой части той земли, которая была в собственной обработке и владении крепостных крестьян, и в создании „нищенского“, „сиротского“, „четвертного“ надела, т.-е. надела, равного четверти высшей надельной нормы, назначенной для данной губернии, и потому ничтожного, но дававшегося без выкупа. Это наделение нищенскими наделами особенно практиковалось богатыми и знатными помещиками, являвшимися сторонниками освобождения крестьян без земли и без выкупа. В результате оказалось, что при освобождении крестьяне были освобождены прежде всего и больше всего, как сейчас будет показано, от земли, в значительной степени обезземелены.

Черезполосица при разверстке угодий проводилась чрезвычайно широко: помещичьи земли вдавались клиньями в крестьянские, отрезывали последние от водопоя, леса, сенокоса, большой дороги. Крестьянину некуда было податься от господской земли и приходилось сильно платиться за неизбежные при такой черезполосице потравы помещичьей земли крестьянским скотом.

Наконец, выкупные платежи за землю, оставшуюся в уменьшенном количестве у крестьян и перерезанную черезполосицей, были непомерно высоки. При выкупе правительство уплатило дворянам 900 миллионов рублей (около 400 милл., впрочем, пошли на покрытие долгов правитель-

ственным учреждениям — сохранным казнам — за заложенные в них дворянские имения), а с крестьян взыскано было, несмотря на неоднократные сокращения выкупных платежей и на сначала половинное, а потом и совершенное прекращение их в 1907 г. вместо 1932 г., как должно бы быть по закону, 1½ миллиарда рублей [1]). Еще в 90-х годах выкупные платежи, к тому времени значительно уменьшенные, составляли 75% всех лежащих на крестьянской земле сборов — государственных, земских и волостных.

К этому надо еще прибавить, что до 1882 года существовала старая подушная подать, а когда после ее отмены введен был поземельный налог, то, так как он раскладывался земствами, а состав земских собраний в большинстве был некрестьянский, десятина крестьянской земли оказывалась сплошь и рядом обложенной поземельным налогом вдвое тяжелее, чем десятина земли некрестьянской. Статистическое исследование установило для 70-х годов несомненный дефицит в крестьянском земледельческом хозяйстве, покрывавшийся только сторонними заработками — отхожими промыслами и кустарной работой [2]).

Наконец, чтобы исчерпать полностью данные, касающиеся внутренних условий, в каких находилось тогда крестьянское хозяйство, надо отметить еще сохранение многочисленных обломков крепостного права — волостных судов, волостного и сельского управления с характером государственной полиции, повинности, а не самоуправления и защиты местных интересов, телесного наказания, наконец, — произвольной власти, сначала мировых посредников, потом непременных членов крестьянских присутствий и с 1889 года

[1]) Лосицкий, Выкупная операция.
[2]) Янсон, Опыт исследования о крестьянских наделах и платежах.

земских начальников. Урезанным до крайности и лишенным в 1890 г даже и последней тени самостоятельности оказалось и представительство крестьян в земских учреждениях.

Но в последнее время справедливо указано М. Н. Покровским [1]), что к этому ряду внутренних условий присоединялось еще одно очень важное, внешнее: сельскохозяйственный, прежде всего земледельческий, кризис, потрясший мировой хлебный рынок и страшно понизивший цены на хлеб во второй половине XIX в., вследствие конкуренции дешевого заокеанского хлеба — аргентинского, австралийского, южно-африканского, в особенности же североамериканского и канадского. Этот кризис, понизив земельную ренту в Англии на 30%, в Германии на 50% [2]), не мог не отразиться и у нас: капиталистическое сельское хозяйство встретило здесь огромное препятствие на пути своего развития.

Таким образом внешние условия поддерживали в России не капиталистическое, а крепостническое сельское хозяйство. В том же направлении действовали и изложенные выше условия внутренние.

В самом деле: малоземелье и черезполосица вызывали необходимость аренды крестьянами помещичьей земли; но так как крестьяне не имели денег, а помещики большей частью лишены были средств оплачивать деньгами наемный труд и часто не имели собственного живого и мертвого инвентаря или имели его в недостаточном количестве, то оплата аренды отлилась в формы отработок и испольщины. Таким образом оказывалось, что помещичья земля обраба-

[1]) М. Покровский, История России XIX в. (изд. бр. Гранат) и его же Русская история с древн. времен.

[2]) Каутский, „Аграрный вопрос".

тывалась крестьянским инвентарем, причем отработки являлись с хозяйственной точки зрения не чем иным, как старой барщиной, а испольщина — аренды из половины или вообще какой-нибудь доли продукта — была типичной крепостной формой оброчного держания земли. В результате крепостническое хозяйство являлось основной чертой тех экономических отношений, какие сложились в России последних трех десятилетий XIX и в начале XX веков в русской деревне. По тем статистическим данным, какие имеются в распоряжении исследователей, русское сельское хозяйство было лишь наполовину капиталистическим, а на половину крепостническим [1]). Это очень тяжело отражалось на положении сельскохозяйственного труда. Установлено, что при отработочной и испольной аренде труд фактически оплачивался, по крайней мере, вдвое ниже, чем при найме на сельские работы за деньги.

Но формальная отмена крепостного права все же поставила на очередь вопрос о капиталистическом развитии России. И в 70-х годах XIX в. министр финансов Рейтерн, типичный либеральный бюрократ эпохи Александра II, задался целью разрешить этот вопрос практически. Его программа была широко задумана. Он хотел развить железнодорожное строительство в России, понимая, что железные дороги являются сильнейшими проводниками капитализма. Затем он имел в виду протекционизм — сравнительно умеренный, не крайний. Далее, Рейтерн поставил себе задачей скопить золотой фонд, который послужил бы основой отмены бумажной валюты и введения свободного размена кредитных билетов на золото.

[1]) Вл. Ильин. Развитие капитализма в России.

Для всех этих целей, особенно для железнодорожного строительства, требовались большие капиталы, в значительной степени и иностранные. Отсюда пошло широкое развитие внешних займов, займы эти большею частью были весьма невыгодны для России и русской казны: они оплачивались высоким процентом, реализация их стоила дорого вследствие высокой оплаты банкиров-посредников, наконец, займы были срочные и даже часто краткосрочные и заключались с гарантией правительства. Такая же гарантия и субсидии были отличительными чертами устройства и железнодорожных обществ, основывавшихся русскими капиталистами [1]). Многие дороги оказались при этом дутыми, бездоходными, даже убыточными предприятиями. Горячка железнодорожного строительства и вообще первые шаги в развитии русского промышленного капитализма, как это было всегда и везде, сопровождались крайней спекуляцией, ажиотажем, хищничеством. Понятно, что наиболее страдающей стороной от этих непременных свойств грубо-хищнического капитализма являлись трудящиеся. Русские рабочие 70-х годов эксплоатировались до чрезвычайности: не было и признаков ни рабочей организации, ни фабричного законодательства, рабочий день отличался чрезвычайной продолжительностью, заработная плата была крайне низкой. Недаром же именно к 70-м годам относится начало нового рабочего движения в России — первые стачки фабричных рабочих нового типа, первые движения русского фабричного пролетариата. И в области индустрии таким образом крайнее угнетение труда напоминало полукрепостнические условия труда в сельском хозяйстве. Несомненно, что эти сельско-

[1]) Мигулин, Русский государственный кредит.

хозяйственные условия влияли также и в области индустрии, порождали или поддерживали и здесь отсталые хищнические формы.

При всем том эпоха Рейтерна, если бы она не была прервана дворянской реакцией, послужила бы исходным пунктом развития русского промышленного капитализма. Но как раз этот реакционный перерыв и случился.

Как ни половинчаты были реформы, они все же порывали со старыми дворянскими традициями и грозили гибелью дворянскому государственному порядку и самодержавию. Поэтому реакционные круги русского дворянства решили найти внешнюю поддержку русскому самодержавию путем образования на Балканском полуострове новых славянских государств, построенных также на принципе самодержавия. Это и было сознательной целью русско-турецкой войны 1877 — 78 годов [1]). И хотя эта цель не была достигнута, потому что балканские славяне — сербы и болгары перешли к буржуазно-конституционным порядкам, но русско-турецкая война разрушила финансовые и экономические планы Рейтерна, истощила весь скопленный им золотой запас и тем уничтожила возможность введения золотой валюты, и, следовательно, решительного перехода к капитализму. На время Россия была „подморожена“, как об этом тогда и потом мечтал один из самых талантливых русских реакционных писателей Константин Леонтьев.

---

[1]) Такое происхождение войны 1877—78 г.г. превосходно выяснено М. Н. Покровским в его „Русской истории“ и в „Истории России XIX в.“, изд. бр. Гранат.

XVI.

80-е и 90-е годы XIX века и первое пятилетие XX века.

Сельское хозяйство России оставалось на половину крепостным вплоть до революции 1905 года. На половину крепостным оставался, следовательно, и крестьянский труд, Тем не менее и процесс развития капитализма даже в сельскохозяйственном производстве давал себя знать, и бедственное положение крестьянства влияло в свою очередь. В результате оказывалась сильная пролетаризация крестьянства.

Если считать население России (без Финляндии и Польши) по переписи 1897 г. в 130 миллионов человек, то окажется, что 22 миллиона или 17% были тогда уже пролетаризованы. Из этих 22 миллионов 10 миллионов приходилось на фабричный пролетариат с семьями и до $3^1/_2$ миллионов составляли рабочие, занятые в сельском хозяйстве [1]). Остальное приходилось на транспортных и ремесленных рабочих, прислугу и проч.

Параллельно процессу пролетаризации — отрыва от земли и от формально-самостоятельного сельского хозяйства — шло социальное, классовое расслоение внутри крестьянства. Крестьянином в собственном, классовом (экономическом), а не сословном (юридическом) смысле этого слова называется

[1]) Перепись населения Росс. империи 1897 г., вып. 8; данные здесь цифры критически обработаны Лосицким в его статье в „Современном Мире".

тот, кто занимается земледелием на собственной земле и обрабатывает ее сам, без наемных рабочих, с помощью только своей собственной семьи. Это и есть типичный крестьянин-средняк. По данным той же переписи 1897 г., если их критически обработать, оказывается, что 64% всего населения — свыше 83 миллионов — составляли именно такие крестьяне. Но к крестьянскому сословию принадлежало тогда 80% всего населения, т.-е. 104 миллиона человек. Значит, свыше 20 миллионов перешли уже в деревенскую бедноту, полупролетариат, или в зажиточную буржуазию. Распределялись они между обеими этими группами приблизительно поровну.

Пролетаризации и классовому расчленению крестьянства содействовали в конце XIX в. и в начале XX в. процессы и явления, характерные для сельскохозяйственного развития России того времени.

Тяжелое положение крестьянства обостряло в нем чувство земельного голода. Отсюда произошли крестьянские аграрные волнения, стихийное стремление крестьян к переселению и жажда приобретения земли.

Правительство России того времени, которое становилось все более смешанным — дворянско-буржуазным по своей социальной природе, противодействовало всем тенденциям крестьянства. Крестьянские волнения усмирялись вооруженной рукой. Переселению противопоставлялись полицейские меры: боялись вздорожания рабочих рук в деревне. Всячески стремились сохранить возможно больше земли в дворянских руках.

Но все было напрасно, и пришлось поневоле пойти на уступки. Первой из них было некоторое облегчение податного бремени. В начале 80-х годов отменена была подуш-

ная подать и заменена поземельным налогом, падавшим уже не на одно крестьянство, а затем последовали сокращения выкупных платежей. Несмотря на это, крестьянский бюджет улучшился очень мало: дефицитность продолжала составлять его характерную черту [1]).

Второй уступкой явилась организация крестьянского переселения за Урал. Сначала переселялись по несколько десятков тысяч человек в год, потом переселенческая волна достигла 200—300 тысяч ежегодно [2]). При всем том переселение не только не оказалось в силах утолить земельный голод, но не могло покрыть и ежегодный прирост населения в местностях, откуда шли переселенцы.

Наконец, по плану министра финансов Бунге учрежден был крестьянский земельный банк. Без сомнения, Бунге желал учреждением крестьянского банка несколько ослабить земельную нужду крестьянства и тем укрепить существовавший государственный строй. Но об'ективные условия оказались могущественней суб'ективных заданий.

Прежде всего банк выдавал отдельным, единоличным покупщикам земли через его посредство несравненно большие ссуды, чем крестьянским обществам и товариществам, совершавшим покупки коллективно. Поэтому главная масса земли переходила к единоличным покупщикам, более зажиточным.

Затем выдавались ссуды не в полном размере стоимости имения или земли, покупаемой через банк, а сначала лишь в размере 75% этой суммы, и только потом в размере 90%. Остальное приходилось занимать за колоссальные проценты у частных ростовщиков, т.-е. у тех же деревен-

[1]) Щербина, Крестьянские бюджеты.
[2]) Колонизация Сибири, офиц. издание.

ских кулаков, в руки которых и переходила большая часть земель, покупавшихся товариществами и даже отчасти крестьянскими обществами.

К тому же приводили высокие ежегодные платежи процентов и погашения: они доходили до 7% в год.

Таким образом результат совершенно не соответствовал заданию: крестьянский банк не облегчил малоземелья, а увеличил классовое расслоение крестьянства, обогатив землей сельскую зажиточную буржуазию.

Такова была та сторона деятельности крестьянского земельного банка, которая обращена была к крестьянству. Другая ее сторона обращена была к дворянству и ярко свидетельствовала, что учреждение возникло в условиях самодержавного режима, фактически действовало в дворянских интересах. Крестьянский банк увеличил цены на землю в несколько раз, содействовал развитию земельной спекуляции и помог дворянству выгодно ликвидировать значительную часть своих земельных богатств. Помогло ему и то, что под конец, перед революцией 1905 г., крестьянскому банку разрешено было покупать за свой счет крупные имения и перепродавать их крестьянам по частям. Прямо и непосредственно интересам дворянства служил учрежденный одновременно с крестьянским банком дворянский земельный банк, оказавшийся, однако, также не в силах сохранить в прежних размерах, тем более развить дворянское землевладение и в свою очередь способствовавший ликвидации значительной его части на условиях, выгодных для дворянства.

Так, несмотря на все меры, хозяйственное положение крестьянства не улучшилось в конце XIX и в начале XX века. Положение крестьянского труда оставалось по-прежнему тяжелым. В результате — сильнейшее аграрное

движение 1903 года и времени первой революции 1905—1907 годов.

80-е и 90-е годы XIX в. и первое пятилетие XX века были эпохой, когда осуществлена была — на этот раз более удачно — новая, вторая по счету, попытка развития промышленного капитализма в России, связанная с именем Витте.

Основу всей промышленной политики Витте составлял усиленно-покровительственный таможенный тариф, установленный в 1891 г. предшественником Витте Вышнеградским. Этот тариф был развит и закончен Витте в 1892 г. и оградил ряд русских фабричных предприятий от иностранной конкуренции. Надо, впрочем, заметить, что нередко слишком высокие тарифные ставки задерживали развитие индустриальной техники, давая возможность сохраняться отсталым предприятиям. Кроме того, в отдельных случаях, напр., по отношению к сахароварению, оказывалось усиленное покровительство устарелым дворянским предприятиям, которые без такой поддержки неминуемо погибли бы.

Оградив промышленность от внешней конкуренции, необходимо было гарантировать ей новые хорошие пути сообщения, непременное условие широкого сбыта товаров. То же диктовалось и условиями сельскохозяйственного рынка, заставлявшими облегчить вывоз русского хлеба главным образом через южные, черноморские порты. Отсюда произошла усиленная постройка железнодорожных линий. Было проведено до $23^1/_2$ тысяч верст новых железных дорог. Вместе с тем введен был новый общий железнодорожный тариф, уничтоживший конкуренцию между различными железными дорогами, удешевивший провоз товаров и облегчивший положение производственных районов, лежавших вдали от портов и вообще мест сбыта.

Третьим необходимым условием развития промышленного капитализма было упорядочение денежной системы, замена бумажной валюты золотою, свободный размен на золото кредитных билетов, неразменных уже с половины XIX столетия: только в таком случае возможен был прочный кредит и выгодный внешний обмен и устранялись потери от постоянного колебания рубля, курс которого часто менялся не только вследствие политических и экономических влияний, но и от воздействия спекуляции. Для введения золотой валюты составлен был золотой фонд, установлен новый золотой рубль, по весу равный двум третям старого. Формально это не была девальвация, понижение денежной единицы, так как основной денежной единицей в России считался серебряный, а не золотой рубль, но реально девальвация все-таки была произведена, так так действительность определила закон и давно заменила серебряный рубль золотым.

Наконец, приняты были меры к развитию промышленного, технического и коммерческого образования: основаны были такие высшие учебные заведения, как Петербургский Политехнический институт и ему подобные в других городах, коммерческие училища, технические и торговые школы и классы.

В результате оказалось, что производство чугуна в России за изучаемое время утроилось, производство стальных и железных изделий увеличилось также втрое; количество добываемого угля возросло на 78%, добывание нефти увеличилось в 10 раз. Сильно содействовало этим успехам то обстоятельство, что промышленность и не в одной только России переживала тогда под'ем.

Но это же обстоятельство вызвало усиленную борьбу русских рабочих за улучшение условий труда, — началось

и оживилось стачечное движение, пока под чисто экономическими лозунгами.

Напряженная экономическая борьба помогла рабочим в отдельных случаях несколько улучшить свое положение, создать отдельные просветы в непроглядной раньше тьме грубо-хищнической эксплоатации. Эта же борьба заставила правительство сделать первые опыты фабричного законодательства. Сюда относятся законы об учреждении и деятельности фабричной инспекции, законы 1882 г. о работе малолетних, 1885 г. о воспрещении ночной работы подросткам и женщинам на прядильных и ткацких фабриках, 1897 г. о продолжительности рабочего времени и 1903 г. об учреждении старост на фабриках и заводах.

Все эти законы, сами по себе очень узкие, нимало не отражавшие интересов и потребностей труда, имевшие в виду лишь внешне успокоить рабочих кажущейся уступкой, на деле не имели совершенно никакого значения. Не вдаваясь в подробности, следует, напр., отметить, что по закону 1897 г. установлена была норма продолжительности рабочего дня в $11\frac{1}{2}$ часов, сама по себе непомерно большая. Однако, и эта нормировка теряла всякое значение вследствие введения сверхурочных работ, тем более, что максимальная продолжительность их оставалась неопределенной [1]). Любопытен также тот процесс перерождения, который произошел с институтом фабричной инспекции. Институт этот был вызван к жизни тою же борьбой рабочих за свои интересы, приведшею к изданию первого из фабричных законов, выше перечисленных, — закона 1882 г. о нормировке труда малолетних. Раз издан был

[1]) М. Г. Луиц, Сборник статей (М. 1909), стр. 20.

первый фабричный закон, необходимо было следить за его исполнением. Отсюда и вышла фабричная инспекция. Но очень скоро оказалось, что фабричная инспекция на деле не орган надзора за фабрикантами в деле исполнения ими постановлений фабричного законодательства, а полицейский орган, призванный предотвращать стачки и уведомлять полицию о начинающихся рабочих волнениях. В 1903 г. предполагалось даже прямо передать фабричную инспекцию из ведомства м-ва финансов в ведение м-ва внутр. дел, т.-е. открыто признать фабричных инспекторов полицейскими чиновниками На это, однако, не решились, но сущность дела была та же.

Жизнь, интересы рабочих при развивавшемся капитализме требовали появления профессиональных рабочих организаций. Правительство и класс предпринимателей не могли и не хотели допустить существования этих боевых экономических пролетарских организаций. И вот, вместо них придуман был в 1903 г. институт рабочих старост, обязанных оффициально представлять рабочие интересы и заявлять о них. Повидимому, думали этим предотвратить стачки и даже, кажется, предполагалось сделать фактически ответственными старост за возникновение стачек. Конечно, этот суррогат не помог беде: он не удовлетворил ни рабочих, ни власть и вообще очень плохо привился к жизни и ненадолго удержался.

Те огромные перемены, которые, как мы видели, произошли в положении труда в России со времени отмены крепостного права, сказались и на положении интеллигентского труда и на идеологии и психологии демократической по составу и настроению интеллигенции. Капитализм сильнейшим образом расслоил интеллигенцию, бросил

ее верхи, экономически более обеспеченные, в об'ятия буржуазии, а низы заставил искать выхода из создавшегося положения на-ряду с массами трудящихся. Сначала, пока промышленный капитализм в России находился в пеленках, интеллигенция шла под знаменем народничества. Социалистически настроенная, сознающая, что и ее материальные интересы, и чувство собственного достоинства, не допускающее пользоваться жалкими подачками буржуазии и услуживать ей, влекут к социализму и массам физического труда, демократическая интеллигенция с легкой руки Герцена, кающегося дворянина, нашедшего в крестьянстве олицетворение социальной правды, усмотрела в крестьянской земельной общине и кустарной артели зародыши социализма и „пошла в народ" открывать ему глаза на его социалистическую природу. Это, однако, оказалось не столь легким в силу инертности и буржуазных тенденций самого крестьянства и вследствие противодействия полицейской власти государства. Тогда мирная пропаганда „Земли и Воли", которой посвящали себя и пропагандисты-лавристы, последователи Лаврова, и бунтари-бакунисты, сторонники Бакунина, превратилась в террор „Народной Воли", руководимый Желябовым. Параллельно этому совершался идеологический перелом, появились разрушительные, отрицательные теории, — базаровщина, типичным представителем которой был Писарев, возводивший разрушение в принцип, и бакунизм, самым ярким выразителем которого на практике стал Нечаев. Капитализм в его первоначальных зародышах вызвал рабочих на путь социалистической самоорганизации, и отсюда вышел Северный союз русских рабочих во главе с Халтуриным и Обнорским. Наконец, 80-е и особенно 90-е годы создали русский марксизм во главе с Плехано-

вым. Марксисты, вышедшие из пропагандистских кружков 80-х и 90-х годов, помогли рабочим массам в их стачечной борьбе, внесли в нее организованность и сознательность. Но в большинстве своем марксистская интеллигенция, увлеченная успехами экономической борьбы в период промышленного под'ема, отдалась чистому экономизму, и социал-демократической партии, основанной в 1898 г., а потом группе „Искра" пришлось вести упорную борьбу с „экономизмом" во имя завоевания власти и ниспровержения старого государственного порядка, буржуазно-дворянского самодержавия.

Борьба эта и наступление первой революции были облегчены тем кризисом, который постиг русское народное хозяйство к началу XX в. и был обострен войной с Японией.

Периодичность, свойственная капиталистическому хозяйству вследствие присущей ему анархии, несогласованности производства с потреблением, сказалась и у нас: вслед за под'емом, благоприятной кон'юнктурой наступил неизбежный при капитализме экономический кризис. Рабочие стали терять все свои немногие экономические приобретения и убедились на практике, что с одной экономикой, без завоевания власти, нельзя обеспечить себе прочных и действительных достижений.

Кризису в области промышленного капитализма и рабочего сознания соответствовали крестьянские волнения, обострение аграрного вопроса. А главное сам капитализм запутался в собственных противоречиях. Он пролетаризировал значительную часть крестьянства, социально расслоил крестьянскую массу, создал множество пауперов-бедняков, лишил — рука об руку со старой государственностью и ее

устарелой финансовой системой — массу населения ее покупательной способности и тем бросил русскую внешнюю политику в уродливо имереалистические авантюры, в поиски новых рынков на Дальнем Востоке. К тому же думали, что война с Японией, легкая и победоносная, отвлечет внимание от внутренних язв и успокоит революционное движение. Но война оказалась не легкой и не победоносной и вместо того, чтобы распутать положение, только окончательно его запутала и обострила.

В результате всего этого сочетания общественных сил получилась революция 1905—1907 годов.

XVII.

В эпоху между двумя революциями.

Первая революция, в 1905 году, не увенчалась успехом. Правящие классы сумели разделить трудящиеся массы. И прежде всего на время притихло крестьянство.

Для его успокоения приняты были особые меры. Усилено было переселение, составлен фонд в $8^1/_2$ миллионов десятин казенной и удельной земли и передан крестьянскому банку для перепродажи крестьянам, отменены выкупные платежи. Так как в то же время уменьшена была под влиянием аграрного движения арендная плата за землю и повышена заработная плата сельскохозяйственным рабочим, то крестьянство в значительной мере успокоилось. Рабочие были разбиты по частям, так как отдельные слои рабочего класса выступали разрозненно, не одновременно вследствие различной степени их сознательности и организованности [1]).

Правящие классы озаботились упрочением своей победы над трудящейся демократией России. И здесь на помощь им должна была прежде всего притти новая аграрная политика, проводниками которой были Столыпин и Кривошеин.

---

[1]) Это выяснено в статье Вл. Ильина в журнале „Мысль“ за 1910 год.

В основу этой политики положена была мысль об организации в России зажиточного, „крепкого“, проникнутого собственническими инстинктами крестьянства, которое могло бы служить надежной опорой социального и политического консерватизма—буржуазно-капиталистического строя и самодержавной монархии, слегка прикрытой думской мнимой конституционностью.

Для осуществления этой цели издан был указ 9 ноября 1906 г., превратившийся, после утверждения его государственной думой и государственным советом, в закон 14 июня 1910 г., и Положение о землеустройстве.

Уничтожение черезполосицы, разрушение общины, введение хуторского и отрубного хозяйства — вот основные тенденции этих законодательных мер. Несомненно, ими насаждалось в значительной степени зажиточное крестьянство и в то же время пролетаризировался крестьянский полупролетариат. Оба слоя крестьянства—верхний и нижний—росли таким образом на счет крестьянина-середняка. Социальное расслоение деревни пошло усиленным и ускоренным темпом [1]). Этим создавались предпосылки для окончательной ликвидации крепостнического сельского хозяйства в России и для успехов аграрного капитализма.

В то же время наступил новый период промышленного под'ема. Характерно, однако, что под'ем этот далеко уступал по своей высоте под'ему 90-х годов. Железнодорожное строительство свелось в десятилетие между 1905 и 1914 г.г. только к $16^1/_2$ тысячам верст новых дорог. Средний годовой прирост выплавки чугуна составлял в это время лишь $9^1/_2\%$, тогда как в 90-х годах он доходил

[1]) См. Рожков, Аграрный вопрос и землеустройство—в „Соврем. Мире“ 1915 г., март.

до 22%; прирост добычи угля равнялся за 1905—14 г.г. только 37%, тогда как в 90-ые годы он доходил до 78%, нефти в 1901 г. было добыто 706 милл. пудов, а в 1913 г. только 559 милл. пудов [1]). Было ясно, что политический строй окончательно перестал соответствовать экономическому содержанию общественной жизни, откуда и произошла задержка в самом темпе хозяйственного развития.

Русский капитализм одной своей чертой—необыкновенным распространением крупных по своим размерам предприятий—как будто указывал на широту размаха, на высокую степень развития: в Бельгии количество предприятий с числом рабочих не менее 500 составляло 28% всего числа предприятий, а в России 53%; процент предприятий с 1.000 и более рабочими был в России не менее, чем в Германии [2]). Надо, однако, заметить, что значительная часть крупнейших русских заводов были казенными, т.-е. государственно-капиталистическими, что они большей частью работали в убыток, т.-е. капиталистически-неправильно, нецелесообразно, так что эта черта—большой процент крупных предприятий—требует поправки.

Но помимо того целый ряд признаков указывал на отсталость русского капитализма в промышленности, как он сложился между двумя революциями.

Прежде всего он далеко не обслуживал внутреннего рынка: вычислено, что только 25% всей потребности России в продуктах индустрии покрывались собственным производством, 75% давались заграничной промышленностью, так что Россия на три четверти была иностранной колонией.

[1]) Кафенгауз, Под'ем или кризис? „Совр. Мир“ за 1914 г., апрель.
[2]) См. статьи Туган-Барановского и Милюкина в газ. „Речь“ за 1909 г., №№ 305 и 319.

Особенно ярким и показательным признаком отсталости русского капитализма явилось то, что производство средств производства было в России ничтожно,—почти все в этой области вывозилось из-за границы. Даже тогда, когда делались опыты выработки средств производства в России, обыкновенно легкие части машин изготовлялись заграницей и привозились в готовом виде в Россию, а у нас производились лишь тяжелые их части, перевозка которых стоила бы слишком дорого.

Затем русская индустрия отличалась весьма значительной технической отсталостью, чему способствовал и русский уродливо-покровительственный таможенный тариф.

Наконец,—и это не менее важно, как признак отсталости,—положение труда рабочих в русской обрабатывающей промышленности совершенно не соответствовало тем его условиям, какие сложились в передовых капиталистических странах. Дело здесь не только в низкой оплате труда в России, но в его неорганизованности. Правда, революция 1905 г. дала формальную уступку: профессиональные рабочие союзы были признаны законными. Но реальных результатов это почти совершенно не имело: во-первых, признаны были законом только местные союзы, об'единения же в национальном масштабе не допускались; во-вторых, на практике деятельность местных союзов была сведена на нет административными преследованиями, запретами и закрытием. Таким образом, практически профессиональные союзы в период между двумя революциями не являлись активной общественной силой не только в качестве боевой классовой экономической организации пролетариата, какой они должны быть в эпоху капитализма, но даже и в качестве простых обществ взаимопомощи.

Экономически русский рабочий класс оставался неорганизованным.

В таком недовершенном, некультурном виде вошел русский аграрный и промышленный капитализм в период войны и переживаемой великой революции. Этот период—уже не история, а современность. Он выходит поэтому из пределов нашего исследования. Ограничимся только одним самым общим замечанием, органически, неразрывно связанным со всем предшествующим изложением: совершенно ясно, что, как показывает история труда в России, интересы трудящихся могут быть защищены и обеспечены только в связи с той грандиозной, мировой задачей, которая сейчас стоит на очереди,—с задачей завоевания социализма. Вне этого нет прочного обеспечения частичных достижений трудящихся, не говоря уже о завоевании нормального положения труда в целом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Общие условия хозяйственной жизни в древнейшей Руси с VII по X век	3
II. Труд в древнейшей Руси	11
III. Хозяйство X — XII веков	17
IV. Земледельческий труд X — XII веков	19
V. Другие формы труда в X — XII веках	23
VI. Хозяйственная характеристика удельного северо-востока России в XIII — XV веках	27
VII. Положение труда в удельной северо-восточной Руси XIII и XIV веков	32
VIII. Хозяйство и труд в вольных городских общинах удельной Руси	39
IX. Перемены в положении трудящихся масс в эпоху упадка русского феодализма	49
X. Интеллигенция древней Руси до половины XVI в.	54
XI. Переход к торговому капитализму	71
XII. Положение труда между половиной XVI и концом первой четверти XVIII в.	75
XIII. Труд в эпоху полного развития торгового капитализма или крепостного хозяйства	82
XIV. Эпоха разложения крепостного права	93
XV. Отмена крепостного права и первый момент в истории русского капитализма (эпоха Рейтерна)	101
XVI. 80-е и 90-е годы XIX века и первое пятилетие XX века	108
XVII. В эпоху между двумя революциями	119

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, тел. 134-34 и 170-94

МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23

Проф. Н. Рожков.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.

(Основы социальной динамики).

Издание выйдет в 12-ти томах.

Вышли из печати:

Том I. Первобытное общество.—Дикари.—Варвары.—Феодальная революция. Ц. 1 р. 75 к. (2-е изд.).

Том II. Феодализм в развитом состоянии. — Муниципальный феодализм. Ц. 1 р 55 к. (2-е изд.).

Том III. Падение феодолизма. Ц. 1 р. 50 к. (2-е изд.).

Том IV. Дворянская революция в России. Ц. 1 руб. 30 коп. (2-е издание).

Том V. Конец дворяиской революции. Ц. 1 р. 30 к. (2-е издание).

Том VI. Дворянская революция в Южной России, Западной Европе, на древнем востоке и в античном мире. Ц. 1 р. 40 к. (Печатается 2-е изд.).

Том VII. Старый порядок—Господство дворянства. Ц. 1 р. 40 к.

Том. VIII. Демократическая революция в Западной Европе. Ц. 1 р. 75 к.

Том IX. Производственный (аграрный и промышленный) капитализм в Западной Европе и внеевропейских странах.

Печатается:

Том X. Разложение старого порядка в России в первой половине XIX века.

Готовятся к печати:

Том XI. Производственный капитализм и революция в России второй половины XIX и начала XX века.

Том XII Последняя стадия в развитии мирового капитализма, мировая война и вторая революция в России.

Проф. **Н. РОЖКОВ.** Смысл и красота жизни. Цена 30 к.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, тел. 134-34 и 170-94.
МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.

БЕЛЛЕТРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Генкель, Г. Геммы и камеи. (Античные миниатюры). Ц. 90 к. На бумаге верже 1 р. 10 к.
Келлерман. Не от мира сего. Ц. 35 к.
Лернер, Н. О. Проза Пушкина. Ц. 30 к.
Мейенберг, Анна. Со ступеньки на ступеньку. Роман. Ц. 1 р.
Миль, П. Гарпагоны в беде. Ц. 60 к.
Мопасан. Доктор Ираклий Глосс. Ц. 40 к.
Сервис, Р. Аргонавты 98-го года. Роман. Ц. 1 р. 50 к.
Синклер. Меня зовут плотником. Ц. 70 к.
Франс, Анатоль. Сестная лавка «Королевы Гусиные Лапки». Ц. 1 р. 20 к.
Шмелев, И. Виноград. Ц. 1 р.
Юрский, Н. Д. Литература, как фактор общественно-организационной работы. Ц. 1 р.

БИБЛИОТЕКА МОЛОДОЙ РОССИИ.

ДЕТСКИЕ КНИГИ ДЛЯ РАЗНЫХ ВОЗРАСТОВ.

Алтаев, А. Бетховен. Ц. 60 к.
» Микель-Анджело. Ц. 1 р.
Бежим в страну краснокожих. Замечательные приключения храбрых юных путешественников. Сборник рассказов. Ц. 35 к.
Бонд, А. Среди героев техники. Ц. 2 р. 80 к. с рисунками.
Будь готов. Сборник рассказов. Ц. 60 к.
Веселые сказки. Для маленьких детей. (Ряд вып.). Ц. 40 к.
Два мира. Барчата и ребята бедноты. Сборник рассказов И. Анненской, В. Винниченко, А. Куприна, В. Муйжеля. Ц. 55 к.
Каринцев, Н. А. Люди сильной воли. Ц. 2 р. 25 к.
Клетцель. История вагона ВСС. Ц. 1 р. 75 к. с рисунками.
Лабулэ, Э. Избранные сказки. Ц. 40 к.
Новый чтец-декломатор. Под ред. И. В. Владиславлева. Ц. 90 к.
Пименова, Э. На волосок от смерти. Ц. 2 р. 50 к. с рисунками.
Полонская, Е. Гости. С иллюстрациями.
Сац, Нат. Про павлина. — Андрейка.—Фионтик. С иллюстрациями.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, тел. 134-34 и 170-94.
МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.

НОВЫЕ КНИГИ

Адлер, В. Статьи, письма и речи.
Адлер, М. Маркс, как мыслитель.
Бауер, О. Австрийская революция.
Бернштейн, Эд. Ф. Лассаль (новая работа).
Винтер, Г. Пути к повышению производительности предприятий. Ц. 90 к.
Василевский, Л. М. Голгофа подростка.
Вернер, Г. Страна голода.
Вигдорчик, Н. А. Инвалидность. Статистический этюд.
Гед, Ж. Женщина и буржуазное общество. Ц. 25 к.
Гиршгорн и Келлер. Джо-сорванец. Ц. 60 к.
Каутский, Бен. Экономические проблемы современности.
Киплинг. Р. Приключения на суше и на море.
Лирау, В. Новая Турция.
Лондон, Дж. Мартин Идэн.
Медем, В. По царским тюрьмам. С предисловием Заславского. Ц. 45 к.
Николаи, Г. Ф., д-р. Биология войны.
Пиацца, А. Затонувший корабль.
Пименова, Э. На запретном пути.
Ридель, И., докт.-инж. Рационализация труда.
Розенталь. „Романовка“. Якутский протест 1904 года. Ц. 1 р.
Суханов, Н. Мировое хозяйство накануне и после войны.
Файоль, А., инж. Общее и промышленное управление. Ц. 1 р.
Фогель, В. Новая Европа. Т. II.

Научно-популярная профессионально-техническая библиотека.

Под редакцией проф. П. П. Рязанова и Г. В. Ключанского.

Бир. Георг. Плотник.
Папе, Р., д-р. Сапожник.
Зейзенах, М. Столяр.
Зейзенах, М. Портниха.
Коппер, Г. Металлист.
„ Кровельщик.

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК“,

посвященный книге 1921—1922 г.

Под редакцией И. В. Владиславлева.

В «Ежегоднике» помещены: 1) Указатель вышедших за этот период книг. 2) Указатель журнальной литературы (из 124 журналов). 3) Указатель рецензий. Цена 2 р.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“

Существует с 1916 года.

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Окт., 74, тел. 134-34 и 170-94.
МОСКВА, Тверская, 38, тел. 264-61 и 377-23.

Доктор Н. А. Вигдорчик.

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА.

СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ.

(В 10 выпусках).

Интерес к социальному страхованию у нас в настоящее время чрезвычайно вёлик, а между тем литература вопроса совершенно иссякла. Интерес, проявляемый к социальному страхованию, выходит далеко за пределы того, что может дать краткое популярное руководство. Теперь читатель, интересующийся вопросом, ищет основательного и подробного научного труда. Настоящее сочинение и идет навстречу этой потребности.

Вып. 1-й. Теоретические основы социального страхования. (2-е пересм. и дополн. изд.). Ц. 90 к.

Вып. 2-й. Страхование на случай болезни в Западной Европе. Ц. 1 р. (Печат. 2-ое пересм. и дополненное издание).

Вып. 3-й. Страхование на случай болезни в России. Ц. 1 р. 45 к. (Печат. 2-е пересм. и дополн. изд.).

Вып. 4-й. Кассовая медицина. Ц. 75 к.

Вып. 5-й. Страхование от несчастных случаев на Западе и в России. (Готовится к печати).

Вып. 6-й. Статистика профессионального травматизма. Ц. 90 к.

Вып. 7-й. Страхование на случай безработицы. Страхование на случай профессиональных заболеваний. (Готов. к печати).

Вып. 8-й. Проблема материнства в капиталистическ. обществе. Ц. 1 р. 45 коп. (Печ. 2-е пер. и доп. изд.).

Вып. 9-й. Страхование на случай материнства. (Готовится к печати).

Вып. 10-й. Страхование на случай инвалидности, старости, вдовства и сиротства. (Готов. к печати).

Того же автора:

Общедоступные беседы по медицине. Ц. 30 к.
Нормальный труд. Ц. 50 к.
Что должен знать каждый рабочий и служащий, застрахованный в кассе социального страхования. Ц. 18 коп.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „КНИГА“
МОСКВА. Тверская, 38. Тел. и 2-64-61 377-23.
ЛЕНИНГРАД. Пр. 25 Окт., 74. Тел. 134-34 и 170-94.

2015147805